

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»
Институт гуманитарного образования

Кафедра истории России

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ

Монография

Челябинск, 2013

УДК 94(47+57)“1917/1991”

ББК 63.3(2)6

Г 65

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федеральной целевой программы «Научные и научно-
педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.»
(государственное соглашение № 14.В37.21.0001)*

*Научный руководитель проекта: доктор исторических наук
Георгий Александрович Гончаров*

**Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В.,
Пасс А. А., Фокин А. А.**

Г65 Мобилизационная модель развития российского общества
в XX веке: монография. – Челябинск : Энциклопедия, 2013. –
128 с.

ISBN 978-5-91274-210-1

В монографии с современных научных позиций исследуется генезис мобилизационной модели общественного развития, реализовавшейся в России на протяжении нескольких десятилетий XX века, описаны механизмы мобилизации ресурсов: политико-идеологических, финансовых, трудовых и др., а также оценена рецепция мобилизационных практик советским обществом. Книга предназначена для историков, обществоведов, всех, интересующихся новыми подходами к истории СССР.

УДК 94(47+57)“1917/1991”

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-91274-210-1

© Коллектив авторов, текст, 2013

© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ	16
ГЛАВА 2. МОБИЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВ: ИЗ ОПЫТА УЧАСТИЯ РОССИИ В МИРОВЫХ ВОЙНАХ	36
ГЛАВА 3. МОБИЛИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	65
ГЛАВА 4. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА ОБЩЕСТВА МОБИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА (РОССИЯ 1917–1930-е гг.)	85
ГЛАВА 5. РЕЦЕПЦИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ОПЫТА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124

Введение

Понятия «мобилизационная система», «мобилизационное развитие» вошли в лексикон гуманитарных наук из наук военных. Опыт Первой мировой войны показал невозможность ограничить мобилизационное планирование армии только лишь совокупностью мероприятий по призыву и транспортировке людских контингентов для развертывания армии военного времени. Настоятельной необходимостью стала заблаговременная разработка действий по поддержанию армии на требуемом уровне, и обеспечению многоступенчатой мобилизации, учитывающей потребности второго года будущей войны и т. п. Все это требовало разработки программы мобилизации экономических ресурсов страны. Таким образом, мобилизация уже в «межвоенный период» (1920–30-е гг.) была процессом, трактуемым довольно широко.

В психологические науки, социологию и политологию этот термин проник в контексте изучения механизмов социальной мобилизации, понимаемой как активизация и концентрация внутренних сил индивида или социальной группы на выполнение определенного рода задач, как направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и пр. задач. Также понятие мобилизации использовалось для объяснения возникновения и функционирования социальных движений. (А. Обершал и др.) Однако, в исторической и экономической науке вплоть до 1970-х гг. понятие «мобилизация» имело исключительно узкое хождение, как процесс, предшествующий развертыванию армии.

Одним из первых современную историко-экономическую трактовку термина «мобилизационная система» дал в начале 1970-х гг. американский советолог Джордж Спиро. В этот период в западной советологии велся активный спор о сущности советской политической системы. «Отцы-основатели» советологии разработали в 1940–50-е гг. довольно стройную теоретическую конструкцию, описывающую СССР как госу-

дарство тоталитарное и по своей природе родственное другому тоталитарному государству – нацистской Германии. С их точки зрения, в основе существования режимов в этих странах лежала господствующая тоталитарная идея, пронизывающая все общество и скрепляющая его в монолит. Для Германии – это была идея расового превосходства, а для СССР – идея коммунизма.

В 1960–1970-е гг. эта теоретическая модель была поставлена под сомнение следующим поколением ученых, приступивших к ревизии устоявшихся взглядов на развитие СССР. Особенно сильно критиковалось мнение о «тоталитарности» советской политической системы после ее эволюции в годы «оттепели». Будучи представителем ревизионистского направления, Спиро использовал термин «мобилизационная система» вместо дискредитировавшего себя термина «тоталитаризм» для характеристики стремления государства установить контроль над всеми человеческими и экономическими ресурсами общества и направить их на достижение единственной доминирующей цели. «Элита, проводящая эти изменения, ожидала растущего сопротивления и отчуждения части общества и идентифицировала определенные слои как требующие упреждающего давления, угроз или устранения. Но этот процесс имел тенденцию к собственной динамике и стал поглощать целые социальные группы, уничтожать любую автономию в обществе, распространившись на сторонников режима. Когда террор перестал выполнять функции контроля и стимулятора изменений и превратился в непродуктивный инструмент политики, это означало, что система вышла за пределы мобилизационной стадии»¹. «Для режима, достигшего успехов в собственной легитимизации и индустриализации страны, стали характерны три тенденции: 1) большая опора на материальные стимулы; 2) снижение роли террора, рассматриваемого элитой как нефункциональный метод; 3) растущая бюрократизация и опора на административно-бюрократические процедуры»². Эти идеи разделялись и другими представителями ревизионистского крыла западной историографии – Джорджем Бреслауэром, Александром Даллином и Леонардом Шапиро. Однако дальнейшая эволюция СССР в 1980-е гг. сделала эти сюжеты менее актуальными для советологии по сравнению с задачами при-

кладной политологии и экономики. А в 1990-е гг. в результате прекращения «холодной войны» советологические исследования перестали получать финансирование и были постепенно свернуты.

Но понятие «мобилизации» и его производные оказались востребованы в постсоветской России, искавшей ответы на проблемы собственной истории XX века. Классическое определение мобилизационного пути развития дал в 1993 г. А. Г. Фонотов: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития». Далее он писал: «Экономика в условиях мобилизационного типа развития ориентируется в первую очередь на реализацию чрезвычайных целей. Основной системообразующей чертой такой экономики является то, что она функционирует, абсолютно не взирая на критерии экономической целесообразности и эффективности. В качестве обязательных требований здесь выступают сроки реализации и безусловное достижение цели. Строго говоря, такая экономика не является экономикой, поскольку формируется под влиянием внеэкономических факторов. Тут уместнее использовать термин «хозяйство». Сфера действия экономических стимулов и рычагов в ней ограничена и решающей роли не играет»³.

В 1999 г. в редакции «Независимой газеты» состоялся крупный стол на тему: «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?», участники которого обсуждали возможность использования опыта мобилизационной системы для выхода страны из глубочайшего экономического кризиса. Так, согласно С. Ю. Глазьеву: «...мобилизационная экономика – это такая система регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов. Мобилизационная экономика может быть только директивная или административная. Конечно, наиболее яркие и драматические события мобилизации ресурсов в нынешнем столетии связаны именно с советским периодом, когда за счет централизованных механизмов административного регулирования удавалось очень быстро мобилизовать максимум ресурсов для расширения производства тех или иных видов продукции.

Но это лишь одна из возможностей. Можно привести примеры мобилизационных экономик рыночного типа, которые по многим параметрам были более эффективны, чем директивно управляемая схема мобилизации ресурсов»⁴.

Идея мобилизации была взята на вооружение представителями левого спектра российских интеллектуалов, в то время как либерально настроенные политики и экономисты подвергли термин «мобилизационная экономика» разнообразной критике. Так, Е. Г. Ясин указал на то, что нельзя ставить знак равенства между мобилизационной экономикой и государственным регулированием, и настоящими примерами мобилизационной системы предложил считать только Германию, Италию, Японию и Советский Союз предвоенного и военного периодов.

А. Н. Илларионов заявил, что мобилизационная экономика вообще находится вне пределов исследования науки «экономика». Сама наука «экономика» является наукой об эффективном размещении ресурсов. Не о максимальном или минимальном, а об эффективном. Поэтому с точки зрения экономической теории максимальное использование производственных ресурсов находится за пределами науки «экономика». С точки зрения практики, сам посыл, заключающийся в том, что максимальное использование производственных ресурсов обеспечит высокие темпы экономического роста, абсолютно неверен. Экономическая наука на многочисленных исторических примерах показала отсутствие связи между максимальным использованием ресурсов и экономическим ростом.

Л. И. Абалкин предложил трактовать термин «мобилизационная экономика» более расширительно, как антикризисную экономику, связанную с чрезвычайными обстоятельствами. При этом она может осуществляться и в условиях сохранения политической демократии и рыночных отношений. «Если страна, к примеру, пережила тяжелейшие последствия войны, то воля народа мобилизует его энергию на восстановление. Лучшим примером антикризисной программы стала система Рузвельта, носившая четко выраженный мобилизационный характер»⁵.

В 2003 г. дискуссия о мобилизационной экономике возобновилась в связи с выходом работы В. В. Седова «Мобилизационная экономика: советская модель», в которой автор по-

старался дать развернутую характеристику мобилизационной модели и выделить ее признаки. Исходя из определения, данного еще А. Г. Фонотовым, В. В. Седов отметил, что: «мобилизационной является экономика, ресурсы которой сосредоточены и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системе. Ведущую роль в такой экономике играет государство. Оно является единственным субъектом, способным в масштабах общества обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов на решение им же поставленных задач. Причем решение должно быть безотлагательным, так что мобилизационная экономика действительно предстает как экономика чрезвычайных обстоятельств. В СССР мобилизационная экономика стала формироваться в конце 1920-х гг. в ответ на угрозу нападения извне»⁶. Такую экономику, по мнению В. В. Седова, отличают следующие признаки:

1. Наличие угрозы существованию общества как целостной системы и ее осознание руководителями государства.
2. Постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении этой угрозы или противодействии ей.
3. Разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели.
4. Организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы.

Мобилизационности, как сознательно осуществляемой деятельности людей, присущ ряд характерных принципов:

– Принцип главного звена. Он предполагает концентрацию ресурсов в том звене экономической системы, от которой зависит успех противодействия нависшей над системой угрозе, в том числе за счет их изъятия из других менее важных, с точки зрения достижения поставленной цели, звеньев экономики.

– Принцип целевой направленности политики. В данном случае речь идет о масштабной цели, связанной с противодействием угрозам существованию общественной системы. Без такой политики система обречена на деградацию и гибель.

– Принцип достижения цели любой ценой и преимущественное использование в этой связи неэкономических методов воздействия на тех, от кого зависит достижение цели.

– Принцип командности. Он предполагает то, что все субъекты экономики представляют собой единую команду, совместно решающую общую задачу.

– Принцип сильной власти. Мобилизационная политика требует безусловного исполнения принимаемых властью решений, направленных на достижение поставленных целей. Это требует выдвижения на вершину власти лидера с харизмой вождя.

– Принцип идеократизма. Мобилизационная политика предполагает выдвижение национальной идеи, способной вдохновить людей на максимальную отдачу трудовых усилий

– Принцип сознательности. Необходимость мобилизационности и связанных с ней жертв ради противодействия нависшей над системой угрозе должна осознаваться вовлеченными в нее субъектами.

– Принцип дискретности. Мобилизационность не может быть постоянно существующим явлением. Если достижение поставленной цели затянулось во времени, то неизбежно ослабление мобилизационности, в силу возникновения у вовлеченных в нее людей определенной усталости. Содержание принципов мобилизационности указывает на действие в мобилизационной экономике такого фактора, как особый духовный подъем населения, его готовность идти на временные лишения и даже жертвы. Вот почему в мобилизационной экономике исключительное значение приобретают моральные, нравственные, психологические, то есть нематериальные, факторы, относимые к тому, что называют надстройкой общества. Во многом от них зависит потенциал мобилизационности, определяющий способность достигать поставленной цели при данных ресурсах⁷.

В 2006 г. к дискуссии о возможностях сохранения принципов мобилизационности современной экономики подключился известный общественный деятель А. Г. Дугин. По его мнению, мобилизационная экономика – это экономика, которая берет курс на приоритетное развитие некоторых стратегических областей. Она вводится только в определенные периоды, когда государству необходимо совершить технологический рывок, и представляет собой очень специфическое сочетание приоритетных инвестиций госсектора в ряд прорывных направлений, а также жесткие таможенные барьеры⁸.

В 2009 г. в Челябинске состоялась Всероссийская научная конференция «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» с участием более 80 ведущих историков, работающих над данной тематикой. Ряд докладов был посвящен теоретическим проблемам мобилизационной экономики (Ю. П. Бокарев, Л. И. Бородин, В. В. Седов, А. С. Сенявский и др.)

Так, в заочном споре с А. Г. Дугиным, известный экономический историк Ю. П. Бокарев писал: «Дать определение понятию «мобилизационная экономика» не так-то просто. Бытующее в экономических словарях определение мобилизационной экономики как такого типа «экономических отношений, при которых все ресурсы страны направляются на одну или несколько приоритетных целей в ущерб другим отраслям, что нарушает гармоничность развития страны» вызывает ряд недоуменных вопросов: что такое «гармоничность развития страны»? каковы этому критерии? соблюдается ли гармоничность при иных типах экономических отношений? Например, в современной России экономическое развитие направляется в сторону нефтегазового комплекса в ущерб иным отраслям. Считать ли такую экономику «мобилизационной» или «гармоничной»? При этом автор соглашается с позицией А. Илларионова, что сама по себе экономика не может быть мобилизационной. «Мобилизационной может быть лишь экономическая стратегия государства, когда оно принимает на себя выполнение всех тех необходимых экономических функций, с которыми по тем или иным причинам не справляется экономика свободного предпринимательства. Обычно так происходит в периоды национальных бедствий: войны, экономические кризисы, голодовки, эпидемии и т. д. Однако опыт России показывает, что мобилизационная экономическая стратегия оказывается весьма эффективной для преодоления экономической отсталости, ликвидации диспропорций в народнохозяйственном развитии, стимуляции развития стратегически важных производств»⁹.

В ходе данной конференции работал круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание». Участники круглого стола согласились с тем, что наиболее удачным определением следует признать то, которое было предложено в работах А. Г. Фотова и В. В. Седова, при

этом, отмечая, что основная особенность мобилизационной экономики в СССР заключалась в том, что экономика была подчинена внеэкономическим целям, таким как: «пробежать за двадцать лет путь, по которому западные страны шли столетиями», «догнать и перегнать», «создать материально-техническую базу социализма, а затем коммунизма», победить в «холодной войне» и т. п.

Еще одна важная проблема, на которую обратили внимание участники конференции – это связь мобилизационной модели с догоняющей модернизацией. Так, один из докладчиков – А. С. Сенявский предложил отказаться от узкого термина «мобилизационная экономика» в пользу более широкого «мобилизационная модель развития», которую избрал на определенном этапе своего исторического пути Советский Союз. Эта модель решала ряд общественных проблем в условиях враждебного окружения, и, в первую очередь, проблему модернизации страны¹⁰.

Другой докладчик – И. В. Побережников предложил понимать под мобилизацией вовлечение широких социальных слоев в достижение государством, партиями, социальными движениями их общественных целей, в том числе модернизации. При этом «система мобилизации» представляется как совокупность согласованных ценностей, институтов, групп, организованных для достижения социетальных целей (создание нации-государства, индустриализации, осуществления экономического рывка и т. д.). В этом отношении очень надежным мобилизационным механизмом И. В. Побережников считает фундаментальные цивилизационно-культурные структуры, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций. Среди них ментальные установки массового сознания, народный характер, модели взаимоотношений власти и общества, мотивационные механизмы и т. д. Подобные ментально-ценностные структуры обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на модернизационную. Другой уровень мобилизации обеспечивался политико-идеологическими механизмами (разработка стратегии национальной модернизации, индустриализации, национального строительства и т. д.). Подобные механизмы в разной степени присутствовали в истории всех модернизовавшихся обществ, компенсируя

недостаточную эффективность цивилизационно-культурных мобилизационных механизмов. Значимость политико-идеологических механизмов в особенности возрастала в периоды обострения межстрановой конкуренции, эпохи войн, национальных катастроф¹¹.

В 2010 г. А. Г. Фонотов в новой книге «Россия: инновации и развитие» развил идею противопоставления мобилизационного и инновационного типа развития, выдвинутую им еще начале 1990-х гг. Под типом развития он предложил понимать такую явно прослеживаемую историческую тенденцию, которая проявляется в ряде глубинных свойств социально-экономической системы, связанных с выработкой устойчивой, повторяющейся, типической реакции на потребности и условия развития общества. Эти потребности воспринимаются, осознаются и реализуются строго определенным для данного типа образом, который, будучи выработанным и воплощенным в конкретных исторических условиях, закрепляется в отдельных институтах общества и воспроизводится уже через систему этих институтов, определяя характер системы в новых обстоятельствах¹². В качестве альтернативы мобилизационному типу развития, ориентированному на достижение этически обоснованных, но, все-таки, чрезвычайных целей, он предлагает инновационный тип развития, в основе которого лежит непрерывный и целенаправленный процесс поиска, подготовки и реализации нововведений, позволяющих повысить эффективность функционирования общественного производства, увеличить степень реализации потребностей общества и его членов, обеспечить улучшение условий жизнедеятельности общества. Такой путь, с точки зрения автора, избрали на современном этапе промышленно развитые страны мира. Мобилизационный же тип развития оказывается приемлемым только в условиях наличия постоянной внешней угрозы. Идеи перехода на инновационный путь нашли отклик среди политических деятелей России и стали широко использоваться в их риторике.

В 2012 г. в Челябинском государственном университете состоялась Вторая всероссийская научная конференция «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века», вновь продемонстрировавшая отсутствие научного консенсуса по данной тематике. На завершающем конферен-

цию круглом столе дискуссия вновь велась вокруг преимуществ и недостатков мобилизационной модели развития. Ее итоги подвел В. В. Седов, предложивший модель качественной оценки для каждого из выделенных им ранее признаков мобилизационного развития:

- «Принципы целевой направленности политики и «главного звена». Их плюсы: политика предполагает достижение заранее поставленной цели. В цепи целей данная цель предстает как главное звено, «ухватившись за которую, можно вытянуть всю цепь». Минусы: при крайней ограниченности ресурсов достижение главной цели может происходить за счет отказа от достижения других целей, также важных для общества.

- Принцип достижения цели любой ценой. Плюсы: острота угрозы общественной системе рождает дилемму «или – или», т. е. или жертвы, или гибель, при которой жертвами будут все. Реализация принципа оказывается благом по сравнению с не реализацией. Минусы: принцип может оправдывать решения, влекущие необоснованные жертвы.

- Принцип командности. Плюсы: подчинение личных интересов общественным. Минусы: исключает наличие оппозиции, необходимой любому обществу. Подавление личного интереса рождает движение несогласных, подрывающее единство общества.

- Принцип сознательности. Плюсы: главный рычаг воздействия на людей – обращение к их сознанию. Все должны понимать необходимость мобилизационной политики и все свои усилия прилагать к достижению поставленной цели. Минусы: Наличие личного интереса у граждан способствует их уклонению от участия в достижении общей цели, что, в свою очередь, приводит к применению репрессивных мер со стороны власти и широкому использованию принудительного труда.

- Принцип сильной власти. Плюсы: мобилизационная политика требует безусловного исполнения принимаемых властью решений, направленных на достижение поставленных целей. Минусы: возможность появления в стране харизматического вождя, преследующего личные, а не общественные интересы.

- Принцип дискретности. Плюсы: мобилизационная политика, требующая чрезмерного напряжения сил и даже жертв,

возможна в течение ограниченного времени. Она не может быть бесконечной. Минусы: продолжительное использование государством мобилизационных механизмов порождает проблему выхода из мобилизационного состояния. Мобилизационность делает систему консервативной, слабо поддающейся изменениям»¹³.

Таким образом, современное состояние исследований по проблеме мобилизационной модели развития свидетельствует о незавершенности дискуссии и ее политической ангажированности. Представители левого крыла отечественных интеллектуалов предлагают воспользоваться опытом мобилизационного пути для решения задач, стоящих перед современной российской экономикой и обществом, в то время как их либеральные оппоненты указывают на очевидные недостатки этого пути. Между тем, в историографии до сих пор был непроработан ряд фундаментальных вопросов функционирования этой модели, таких как: генезис мобилизационной политики в России и условия ее реализации, механизмы мобилизации финансовых и трудовых ресурсов, идеологическая компонента мобилизационной модели развития и ее рецепции обществом. Решению данных проблем и должна послужить предлагаемая читателям книга.

Авторы разделов: введение и глава 1 – *С. А. Баканов*; глава 2 – *Г. А. Гончаров*; глава 3 – *А. А. Пасс*; главы 4 и 5 – *Н. В. Гришина, А. А. Фокин*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Меньковский В. И. История и историография: Советский Союз в трудах англо-американских историков и политологов. – Минск, 2007. – С. 100–101; Schapiro L. Totalitarianism. – N. Y., 1972. – P. 111.

² Dallin A., Breslauer G. Political terror in communist Systems. – Stanford, 1970. – P. 8.

³ Фонов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – М., 1993. – С. 88–89.

⁴ Круглый стол «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?». – URL: <http://rusotechstvo.narod.ru/finansy/f49.html>

⁵ Там же.

⁶ Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. – Челябинск, 2003. – С. 21–22.

⁷ Там же.

⁸ Дугин А. Г. Для мобилизационной экономики необходимы мобилизационное общество и мобилизационная национальная идея. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=408055&soch=1>

⁹ Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. науч. ст. – Челябинск, 2009. – С. 9–10.

¹⁰ Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 15. История. – С. 142–147.

¹¹ Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. науч. ст. – Челябинск, 2009. – С. 95–100.

¹² Фонотов А. Г. Россия: инновации и развитие. – М., 2010. – С. 12.

¹³ Круглый стол «Мобилизационное развитие и его компоненты» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 6. История. – С. 126–132.

Глава 1.

Становление мобилизационной модели общественного развития в России

В любом государстве, по самой природе этого общественного института, заложена функция регулирования экономических и социальных процессов. Уровень такого регулирования в различные эпохи и в различных странах был, естественно, не одинаков. Как правило, максимальное участие государства в социально-экономической жизни стран приходилось на периоды военных конфликтов и внешнеполитических обострений. Существенными исключениями из этого правила являются, пожалуй, только так называемые «гидравлические» общества древности, само существование которых напрямую зависело от государственного управления их хозяйством. В периоды политических кризисов первостепенной задачей государства становилось сохранение существующей общественной системы, для чего требовалась концентрация всех доступных ресурсов. Решению этой задачи способствовало использование мобилизационной социально-экономической политики или отдельных ее механизмов. В некоторых исторических ситуациях концентрация мобилизационных усилий государства на достижение конкретной, но чрезвычайной цели приводило к складыванию особого типа общественной системы, названной А. Г. Фоновым «мобилизационным обществом»¹.

В истории России роль государства всегда была велика, но широкое использование российским государством мобилизационных механизмов все же локализовалось в относительно не продолжительные исторические периоды. Так, к мобилизационным по своему характеру мероприятиям можно отнести военные и связанные с ними фискальные реформы Ивана IV, элементы мобилизационности просматриваются в антикризисной политике Бориса Годунова, но, наверное, наиболее ярким примером использования мобилизационных практик может служить деятельность Петра I, который с их помощью осуществил ряд колоссальных проектов, среди которых были

и беспрецедентное по масштабам строительство флота, и восстановление артиллерийского парка после поражения под Нарвой, и создание новой столицы – Санкт-Петербурга, на строительство которого было мобилизовано более 40 тыс. человек. По подсчетам Е. В. Анисимова мобилизацией в форме рекрутских наборов в первой четверти XVIII в. было охвачено около 10 % всего мужского крестьянского населения страны². Однако, несмотря на столь масштабное использование мобилизационных практик, все же не стоит спешить называть петровскую Россию обществом мобилизационного типа, так как она не отвечает сразу же нескольким критериям, выделенным родоначальниками «мобилизационной» теории А. Г. Фоновым и В. В. Седовым. Так, вопрос о планомерности и целенаправленности петровских реформ до сих пор остается дискуссионным в историографии, что ставит под сомнение реализацию принципов главного звена и целевой направленности политики; не меньше замечаний применительно к петровской эпохе вызывают и принципы идеократизма и сознательности. В последующие почти два столетия мобилизационные практики имели еще более ограниченный характер. Даже такие масштабные и драматичные события, как Отечественная война 1812 г., не приводили к росту мобилизационного давления со стороны государства, равно как и ряд неудачных для России войн в середине XIX – начале XX вв.

Тем временем в Европе идея мобилизационной подготовки страны к крупному военному конфликту нашла свое воплощение в деятельности прусского, а затем германского генерального штаба. Австро-Прусская и Франко-Прусская войны продемонстрировали европейским державам преимущества заблаговременной мобилизационной подготовки. Пруссия уже в начале 1860-х гг. обладала помимо списков лиц, призываемых в армию военного времени по всеобщей воинской обязанности, также списками лошадей, назначенных по реквизиции в ландверную кавалерию и обоз, инструкциями, правилами и графиками перевозки войск и грузов по железным дорогам, с приложениями о перевозке больных и раненых, необходимыми стратегическими запасами вооружений, материалов, топлива и оборудования на предполагаемом театре военных действий и т. д.³ Успехи Германской империи подняли в европейской

печати дискуссию о путях подготовки народного хозяйства и государственных учреждений к большой общеевропейской войне. В данной дискуссии в 1890-е гг. активное участие приняли и отечественные авторы И. С. Блюх и А. А. Гулевич, изучавшие возможное влияние «большой» войны на экономику Российской империи и других потенциальных стран-участниц. Оба автора сходились на том, что наиболее проблемными зонами экономики России в деле мобилизационной подготовки являются недостаточно развитые финансовый сектор, железнодорожное строительство и слабая техническая оснащенность промышленности. Преимущества же им виделись в сохранении Россией продовольственной безопасности⁴.

Тем не менее, в начале XX века даже Германия оказалась не достаточно готовой к ведению затяжной войны и перестройка хозяйства на военный лад протекала там уже по ходу военных действий. Накануне Первой мировой войны во многих странах государственные институты уже были тесно переплетены с экономикой. Эпоха массового производства и монополистического капитализма открыла для государства небывалые ранее возможности регулирования экономической жизни, а начавшаяся мировая война подняла государственное вмешательство в экономику на новый качественный уровень. Во всех воюющих державах правительство взяло под свой контроль военное производство, потребление продовольствия, обеспечение промышленности и армии сырьем, топливом. Серьезным трансформациям подверглась сфера трудовых отношений, в частности отменялась свобода союзов, затруднялся межотраслевой переток рабочей силы. Европейские державы в условиях тотальной войны вынуждены были использовать мобилизационные механизмы в небывалых ранее масштабах. Такими механизмами стали: прямые мобилизации мужчин в армию, реквизиции продовольствия, лошадей, транспортных средств (известна роль, которую сыграли парижские такси при переброске войск в ходе битвы на Марне), распределение государственных заказов в промышленности, мобилизация финансов через систему внутренних займов, использование принудительного труда заключенных и военнопленных, введение трудовой повинности.

В Германии уже в августе 1914 г. при военном министерстве был создан военно-сырьевой отдел, занимавшийся учетом, за-

купкой, складированием и реализацией сырья в соответствии с военно-хозяйственными нуждами. В Англии в 1915 г. было создано военное министерство руководившее размещением госзаказов в оборонной промышленности. Франция в 1916 г. создала особое министерство вооружений, проводившее дирижистскую промышленную политику. Другой сферой государственного дирижизма было регулирование потребительского рынка. Ряд правительств взял под контроль механизм ценообразования, вводя твердые или максимальные государственные цены на отдельные товары, а затем переходя к рационированию потребления некоторых продуктов. Первой по этому пути в 1915 г. пошла Германия, но в 1916 г. все воюющие державы в той или иной мере использовали подобные методы⁵.

В России система административного регулирования хозяйственной жизни стала складываться в 1915 г. Ее основу составили четыре Особых совещания: по обороне, топливу, транспорту и продовольствию. В сферу компетенции Особых совещаний попали вопросы размещения госзаказов и контроля за их исполнением, снабжения армии, промышленности и населения подведомственной продукцией и услугами. Председатели Особых совещаний (соответствующие министры – военный, торговли и промышленности, путей сообщения и земледелия) имели крайне широкие полномочия от определения очередности выполнения заказов на предприятиях, нормирования заработной платы рабочих, или замены лиц заводской администрации, нарушавших условия поставок вплоть до **секвестра или реквизиции** в казну предприятий-нарушителей⁶. К этой последней крайней мере за годы войны правительство прибегало неоднократно.

Параллельно начали предприниматься и шаги, направленные на рационализацию потребления. Уже в феврале 1915 г. правительство наделило губернские власти правами устанавливать твердые (предельные) цены на сельскохозяйственную продукцию и фураж, а также ограничивать вывоз продовольствия за пределы региона. В сентябре 1916 г. твердые цены на хлеб и ряд других стратегических продуктов были введены уже во всей империи. Назначение твердых цен зачастую шло с нарушением расчетов местной себестоимости, что снижало мотивацию производителей продовольствия и выталкивало их

за пределы легальной экономики. **Результатом политики твердых цен стал острый продовольственный кризис**, разрешение которого виделось правительству в дальнейшем ужесточении административных мер, одной из которых стала продрозверстка, учрежденная в декабре 1916 г. Но очередной провал правительственных планов снабжения вынудил уже Временное правительство в марте 1917 г. ввести закон о государственной монополии на хлеб, по которому все зерно, сверх необходимого для потребления, посевов и корма скота, должно было отчуждаться по твердым ценам в общегосударственный фонд для дальнейшего перераспределения⁷. В августе 1917 г. последовало учреждение угольной монополии.

В сфере трудовых отношений мобилизации в армию привели к массовому высвобождению рабочих мест и вытекающей из него нехватки рабочих рук. Государство в этих обстоятельствах имело всего три пути решения данной проблемы: 1) использование в качестве рабочих солдат и военнообязанных с бронью, 2) привлечение дешевой рабочей силы из-за рубежа (китайские и корейские рабочие) и 3) широкое применение принудительного труда (заключенные и военнопленные). О масштабах внедрения этих новаций говорит состав рабочих кадров на ряде предприятий Урала. По данным Уполномоченного по Уральскому району представителя Особого совещания по топливу, на 1 января 1916 г. на Кизеловских коях кн. Абамелек-Лазарева находилось на работах русских – 2913 человек, китайцев – 2200 человек, арестантов – 357 человек. К лету 1917 г. на коях Кизеловского горного округа доля вольнонаемных рабочих (от общего числа рабочих в 5,5 тыс. человек) составляла всего 14 %, все остальные – это: солдаты – 23 %, военнообязанные с бронью – 27 %, военнопленные – 23 %, китайцы и корейцы – 13 %. На Богословских коях к июлю 1917 г. картина похожая: из 1489 рабочих 657 – военнопленные, а 301 – корейцы⁸. Из приведенных выше цифр видно, что мобилизационные практики стали доминирующими. Кроме того, даже на всевозможных совещаниях бизнеса в 1917 г. всерьез обсуждался вопрос о введении всеобщей трудовой повинности для мужчин (по аналогии с мерами уже реализованными в Германии).

Таким образом, экономическая политика военного периода, безусловно, носила мобилизационный характер. Исходя из

определения, данного А. А. Фонотовым, она осуществлялась в чрезвычайных обстоятельствах, для достижения чрезвычайных целей и с использованием чрезвычайных организационных форм⁹. Однако, несмотря на высокий уровень мобилизации экономики России в 1915–1917 гг. и широкое внедрение мобилизационных практик правительством, сама общественная система еще не была в полном смысле мобилизационной. Из восьми принципов мобилизационного общества, выделенных В. В. Седовым, относительно целюно выполнялся только принцип целевой направленности политики, так как на повестке дня стоял вопрос о достижении победы в войне. Ни царское, ни временное правительства не имели четкого представления о том, что может являться «главным звеном» хозяйственного и общественного развития, на которое нужно употребить основные усилия страны. Ни царское, ни временное правительство не были готовы добиваться своих целей «любой ценой», о чем свидетельствует провал политики продовольственной разверстки в 1916–1917 гг. Силой отбирать хлеб у производителей считалось недопустимым и опасным. Вместо «сильной власти» наблюдалась «министерская чехарда» и регулярные правительственные кризисы. В условиях нарастающего политического размежевания общества не приходилось говорить и о соблюдении принципов командности, идеократизма и сознательности. Приход к власти радикалов осенью 1917 г. и последовавшая за этими событиями гражданская война резко изменили возможности и характер государственного давления на общество, создав условия, в которых невыполнение мобилизационных принципов означало бы для большевиков поражение революции.

С точки зрения В. И. Ленина, новая общественная система должна была строиться на принципах государственного капитализма. В ее основе лежало государственное регулирование финансового сектора, через объединение частных банков в единый государственный банк, объединение граждан в потребительские союзы и установление рабочего контроля за производством¹⁰. Причем, именно рабочий контроль представлялся ему наиболее действенным инструментом государственного регулирования. Поэтому одним из первых декретов нового правительства стал 14 ноября 1917 г. декрет «о рабочем кон-

троле». Определенная идеализация пролетариата, свойственная российским марксистам, не допускала мысли, что в деле управления рабочие станут руководствоваться не общественными интересами, но интересами своих предприятий, т. е. станут вести себя ровно так же, как ранее вели себя владельцы этих предприятий. Ошибочность ожиданий стала понятна большевикам достаточно быстро и их основные усилия были перенесены на другие институциональные решения. «Главным звеном» развития общественной системы большевики вслед за К. Марксом признавали отношения собственности и именно в этой сфере они сконцентрировали свои административные ресурсы.

Изначально перед большевиками не стояла задача массовых национализаций объектов частной и акционерной собственности, но в ходе решения насущных проблем снабжения крупных городов продовольствием, топливом и другими товарами они были вынуждены прибегнуть к практике конфискаций. Через три дня после восстания в Петроградском военно-революционном комитете были созданы отделы снабжения и реквизиций. Совет Народных Комиссаров поставил перед этим комитетом задачу: пресечь спекуляцию, привлечь население к организации снабжения, поставить торговую сеть и продовольственный аппарат под контроль местных советов, организовать продотряды и использовать, где возможно, натуральный товарооборот. Торговые предприятия, нарушавшие правила, регламентировавшие частную торговлю, введенные декретом от 27 октября 1917 г. подлежали реквизиции. Параллельно, чтобы не допустить локаутов промышленных предприятий, организованных их владельцами, большевики прибегли к практике национализаций. Государственный сектор промышленности и без того достаточно объемный начал неуклонно расти. Для управления им 2 декабря 1917 г. был создан очередной чрезвычайный орган – Высший Совет Народного Хозяйства, перенявший также хозяйственные функции Петроградского военно-революционного комитета. 15 декабря была осуществлена национализация банков, затем, в течение зимы 1917–18 гг. для преодоления транспортного кризиса были также национализированы железные дороги и торговый флот. Если первоначально национализации носили спонтанный характер и были

призваны защитить распределительную систему снабжения, то, начиная с зимы 1917–18 гг., они становятся частью сознательной мобилизационной политики государства. Уже в условиях начавшейся гражданской войны, в июне 1918 г. была проведена национализация крупной промышленности, а в ноябре 1920 г. под национализацию попали уже практически все промышленные предприятия, включая мелкие, кустарные и даже ремесла и промыслы. Государство становилось единственным работодателем в сфере промышленности. Национализации превращали всех экономических субъектов в единую «команду», работающую на нужды обороны.

Управление государственным сектором экономики строилось большевиками с помощью системы чрезвычайных органов, среди которых особое место занимал созданный в ноябре 1918 г. Совет рабочих и крестьянской обороны (с апреля 1920 г. – Совет труда и обороны – СТО). Основной задачей СТО было согласование и усиление деятельности ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства¹¹. При совете действовал институт чрезвычайных уполномоченных по различным вопросам, например, чрезвычайный уполномоченный по снабжению Красной Армии (Чусоснабарм), в ведение которого были переданы вопросы военного производства. Помимо него при СТО также действовали Центральная временная комиссия по дезертирам, Особый комитет по военному положению на железных дорогах и др. При СНК еще в декабре 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В структуре ВСНХ начали формироваться главки, объединяющие национализированные предприятия в масштабах целых отраслей: Главметалл, Главуголь, Главторф, Главтекстиль и т. п. К осени 1920 г., когда была проведена национализация всей промышленности, таких главков насчитывалось уже более 50. Чрезвычайные меры в народном хозяйстве декларировались как необходимые для сохранения завоеваний революции, что позволяло на практике реализовывать принцип «целевой направленности политики».

Установление государственного контроля за производством промышленной продукции позволяло правительству перенаправлять ресурсы на решение первоочередных задач, которые

ми с мая 1918 г. становятся проблемы ведения войны против различных антибольшевистских сил. Сохранение продовольственного кризиса и необходимость снабжения Красной Армии заставили большевиков продолжить курс, заложенный их предшественниками, на создание продуктовых монополий. Были введены государственные монополии на сахар, чай, рис, свечи, спички и т. п. В продовольственном вопросе вплоть до осени 1918 г. продолжалась политика твердых государственных цен. Однако, как и в предшествующие годы, производители не были заинтересованы в торговле по этим ценам, а наладить прямой товарообмен с деревней без полной национализации промышленности у правительства не получалось. В мае 1918 г. была введена продовольственная диктатура, в рамках которой поставить продукты питания для городов и армии удавалось только с помощью продотрядов и действовавших в тесном контакте с ними комитетов бедноты. Чтобы окончательно решить продовольственный вопрос осенью 1918 г. была введена монополия внутренней торговли (внешняя торговля попала под контроль государства еще в апреле 1918 г.). Теперь государство становилось единственным легальным покупателем продуктов сельского хозяйства, и у производителей продовольствия не оставалось никакой альтернативы. Исключение составлял только черный рынок, разросшийся в годы гражданской войны до фантазмагорических масштабов. Осуществление политики продовольственной диктатуры свидетельствовало о готовности большевиков добиваться своих целей «любой ценой».

Неспособность руководить из центра экспроприациями продовольствия на местах потребовала от большевиков изменения продовольственной политики. В январе 1919 г. они вернулись к практике продразверстки, в соответствии с которой каждая губерния и каждый уезд получали свой план хлебозаготовок, невыполнение которого жестоко каралось. Центральные продовольственные органы передавали функции хлебозаготовок местным властям, которые внедрились хорошо известный со времен крепостничества принцип коллективной ответственности крестьян-общинников. В феврале 1919 г. было объявлено о национализации земли, что должно было, с одной стороны препятствовать росту числа кулацких и бедняцких хозяйств, а

с другой – заинтересовать крестьянство возможностью существенного расширения их земельных наделов. Для мобилизации крестьянства на сторону советской власти активно использовался ленинский лозунг «Не смей командовать середняком».

Всеобщее насаждение коммунистической идеологии большевиками обеспечивало реализацию принципов «идеократизма» и «сознательности». Теоретическое оправдание политики «военного коммунизма» дал в 1920 г. Н. И. Бухарин в своей работе «Экономика переходного периода», в которой он доказывал, что в условиях перехода от капитализма к социализму пролетариат обязан распространить эксплуатацию на самого себя. В обстоятельствах нарушенного хозяйственного равновесия насилие и принуждение являются естественными и благотворными инструментами, которые не только разрушают старый уклад, но и формируют новый – коммунистический¹². Распространение подобных взглядов среди руководящей верхушки большевиков открыло путь к милитаризации труда. В январе 1920 г. была введена всеобщая трудовая повинность и начаты трудовые мобилизации. Для управления всеми трудовыми армиями создавался новый орган – Наркомтруд. Лица, уклонявшиеся от трудовой повинности, лишались продовольственных карточек.

Сама карточная система снабжения была учреждена еще летом 1918 г. и предполагала классовый подход к распределению благ, в соответствии с которым рабочие должны были снабжаться на порядок лучше инженеров, бывших капиталистов, служителей культа и интеллигенции. Однако на практике, провал хлебозаготовок приводил к преобладанию «голодных пайков», опускавшихся ниже прожиточного минимума. Правительству не удалось четко выстроить свою бюджетную политику и для покрытия государственных расходов оно прибегало к выпуску новых денег, что усиливало и без того галопирующую инфляцию. Поэтому советские деньги не пользовались доверием населения, результатом чего стало постепенное свертывание товарно-денежных отношений. Доля натуральных выплат (пайки, бесплатный проезд и бесплатное коммунальное обслуживание) в зарплате рабочих достигала на отдельных предприятиях 90–100 %. Стала популярной марксистская идея об отмирании денег при коммунизме.

Принцип «сильной власти» обеспечивался политической монополией большевиков на власть, вылившейся в партийную диктатуру. За годы гражданской войны все остальные партии были запрещены, вновь была введена политическая цензура, существенно ограничены гражданские права. Любая оппозиция воспринималась властью как контрреволюционная, с которой следует бороться методами революционного террора.

Таким образом, к окончанию гражданской войны в России выполнялись семь из восьми принципов мобилизационного общества по В. В. Седову, а переход к мирному строительству в условиях начинающегося голода, прогрессирующей хозяйственной разрухи и антибольшевистских выступлений среди рабочих, крестьян, армии и флота запустил действие и восьмого – принципа дискретности. Шесть лет непрерывных военных действий не просто подорвали хозяйство страны, но и привели к сильнейшей психологической и физической усталости населения. Разразившийся в 1921 г. голод продемонстрировал неспособность власти справиться с жизнеобеспечением общества с помощью одних только административно-распределительных инструментов, а окончание гражданской войны делало невозможным поддержание в обществе ощущения «осажденной крепости». Новая экономическая политика стала не только программой стабилизации и восстановления страны, но и основным рычагом демобилизационных усилий правительства. Уже к 1922 г. первая волна государственной мобилизационной политики резко ослабила свое воздействие. Построенное общество мобилизационного типа оказалось непрочным, способным к чрезвычайным усилиям только при чрезвычайных обстоятельствах. Однако ослабление государственного нажима не означало полного отказа от мобилизационных практик. В годы НЭПа сохраняли свое действие некоторые из принципов мобилизационной политики, например, принципы идеократизма и целевой направленности политики. Кроме того, «главное звено» раннесоветской мобилизационной системы – отношения собственности – продолжало оставаться под контролем государства, что делало возможным и желательным для части советской элиты возвращение, когда для этого появится подходящий момент, к мобилизационным практикам.

Внутрипартийные дискуссии о путях дальнейшего развития страны, проходившие в середине 1920-х гг. продемонстрировали наличие двух основных точек зрения по данному вопросу. Одну из них представляли Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и Е. А. Преображенский, которые в 1925 г. выдвинули программу сверхиндустриализации за счет эксплуатации «внутренней колонии» – крестьянства. Е. А. Преображенский в своих выступлениях указывал: «Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент революции, – тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности»¹³. На XIV Съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. их взгляды были подвергнуты жесткой критике со стороны большинства членов Политбюро, и в первую очередь – И. В. Сталина и Н. И. Бухарина, которые считали предложенный троцкистами подход опасным для сохранения смычки рабочего класса и крестьянства. Тем не менее, курс на индустриализацию страны был принят съездом, и началась практическая работа по его воплощению.

Неожиданную поддержку доводы «левой оппозиции» нашли у военных, активно изучавших опыт мировой и гражданской войн. Наибольшую известность получили взгляды одного из руководителей Военной академии РККА А. А. Свечина и начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского, которые, хотя и расходились по ряду вопросов, сходились в главном – что для подготовки страны к будущей большой войне необходимо всеми силами добиваться проведения перманентной мобилизационной политики.

Описывая будущую войну, А. А. Свечин писал: «Войну ведет теперь народ, и ведет на свои средства. И воевать, это значит не только манифестировать, выражать свои чувства к враждебному режиму, нарушать мирные права населения в оккупированной территории. Воевать, это значит бороться, го-

лодать, страдать, переносить лишения, умирать, повиняться – и не только на фронте, но и в далеком тылу. Сокращение заработной платы в тылу находит свое оправдание и в том, что экономически сравнивает работников тыла с бойцами на фронте»¹⁴. Развивая мысль о перманентной мобилизации, он указывал: «Мобилизация промышленности планомерно еще никогда не производилась... Учет всего необходимого сырья и распределение его, учет и наиболее рациональное использование фабричного оборудования, перегруппировка технических руководителей и рабочих, полное использование труда безработных, привлечение новой рабочей силы из деревни, задания, соображенные с возможностями имеющихся средств и нуждами войны, – составляют сущность этой мобилизации. Практика руководства мирной экономической жизнью СССР представляет, может быть, лучшую школу для составителей плана такой мобилизации»¹⁵. И далее: «Самым широким образом придется обратиться к такому источнику социалистического накопления как сокращение личных затрат населения, понижение достигнутого им экономического уровня жизни, путем форсирования труда при неполноценной его оплате. Вместо каких-либо прибавок на дороговизну, нужно думать об удлинении рабочего дня, о понижении заработной платы, о постановке в рабочие смены детей школьного возраста, о ответственном повышении налогового пресса на крестьянство, буржуазию, государственные тресты»¹⁶.

М. Н. Тухачевский вторит ему: «Мобилизация не является единовременным актом, как это представлялось до империалистической войны. Сама мобилизация во время или непосредственно перед объявлением войны является наиболее крупным единовременным напряжением. Однако мобилизационное напряжение этим не оканчивается. Оно продолжается в течение всей войны, охватывая все стороны государства, все людские и конские, транспортные и технические ресурсы. Необходимо стремиться к тому, чтобы первая мобилизация не расстроила хозяйственной жизни страны и дала бы возможность к планомерному и систематическому напряжению сил в процессе развития напряженной войны»¹⁷. Условием полноценной мобилизации М. Н. Тухачевский считал военизацию промышленности в предвоенный период: «Задача целесоо-

бразного проведения военизации промышленности чрезвычайно трудна и сложна и в различных условиях государственного существования решается по-разному. Капиталистические государства в силу самой природы анархического капиталистического хозяйства не могут справиться с этой задачей планомерно и целесообразно. Благодаря абсолютной численности сырьевых и промышленных ресурсов, они сумеют выставить их больше нас, но зато мы относительно можем достигнуть больших результатов. Наше централизованное хозяйство позволяет нам планомерно подготовить мобилизацию, позволяет, с одной стороны, выжать больший процент военной продукции, а с другой стороны, благодаря планомерности нашего хозяйства, достигнуть более экономного, более целесообразного подхода к разрешению основных хозяйственных вопросов, с тем, чтобы война этого хозяйства не разрушила. Задача планомерной военизации в современных условиях является одной из основ нашей стратегии, и в ней необходимо достигнуть такой же гибкости, какой мы умеем достигать в маневрах на театрах военных действий»¹⁸.

На основе этих идей летом 1926 г. началась разработка «Положения о подготовительном к войне периоде»¹⁹ и было создано организационно-мобилизационное управление Штаба РККА. В феврале 1927 г. при Совете Труда и Оборона создается комиссия обороны, преобразованная в мае того же года в Распорядительное заседание Совета Труда и Оборона (РЗ СТО), в апреле в структуре ВСНХ мобилизационно-плановый сектор был преобразован в самостоятельное управление, а на месте военной комиссии Госплана СССР был создан Сектор обороны Госплана СССР. Таким образом, происходило формирование будущего организационного каркаса военно-мобилизационной работы.

С осени 1927 г. политические, хозяйственные и военные органы приступили к созданию взаимосвязанных среднесрочных планов подготовки вооруженных сил и народного хозяйства к будущей войне, включая строительство РККА на мирное и военное время, составление планов заказов Наркомвоенмора, программы развития военной промышленности в мирное время и, что особенно важно, мобилизационных заявок по организации хозяйства в военное время. Планы мобилизации

вооруженных сил и экономики должны были увязываться, с одной стороны, с оперативными планами и мобилизационными расписаниями и, с другой стороны, с пятилетним народнохозяйственным планом²⁰. Важную роль в том, что данная работа стала восприниматься руководством страны как ключевая, сыграли военная паника весны 1927 г., вызванная разрывом дипломатических отношений с Великобританией и развившийся осенью кризис хлебозаготовок. Другим следствием вышеназванных кризисов стал разрыв И. В. Сталина с его бывшими союзниками Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, чьи взгляды теперь стали квалифицироваться как «правый уклон».

Аргументация И. В. Сталина в его споре с «правыми» строилась на том, что без поворота в экономической политике, позволяющего преодолеть хронический зерновой дефицит, чрезвычайные меры и насилие над крестьянством станут повторяющейся неизбежностью. При сохранении основ прежней политики в будущей войне не удастся избежать как кризиса продовольственного снабжения фронта и тыла, так и социально-политической дестабилизации при попытке изъять хлеб. Крестьянин, забывший об угрозе возвращения помещика, говорил Сталин, хлеба «даром не даст»²¹. На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) И. В. Сталин произнес свой знаменитый тезис о том, что: ««Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»²². Тот же пленум предложил рассматривать недооценку военной угрозы как признак «правого уклона» в партии. Идеологический каркас мобилизационной подготовки хозяйства и общества становился, таким образом, новой генеральной линией ВКП(б).

В 1929 г. задача индустриализации была признана правительством первостепенной. Рассуждая об этом, И. В. Сталин указывал в одном из своих выступлений: «Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее, состоит в развитии тяжелой промышленности, в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения»²³. Тем самым он предлагал новое «главное звено» общественного развития. К этому времени был сверстан в общих чертах первый пятилетний план на 1927/28 –

1932/33 хозяйственный годы, а также заключены первые договоры о технической помощи с иностранными компаниями, например с Г. Фордом. Программа индустриализации требовала колоссальных инвестиций, в том числе и в иностранной валюте. План был представлен в апреле 1929 г. на XVI конференции ВКП(б), а затем утвержден в мае на Съезде советов. В постановление съезда было внесено «поручение» правительству «принять при исполнении пятилетнего плана конкретные меры, гарантирующие развитие тех отраслей народного хозяйства, которые неразрывно связаны с обороноспособностью страны». Тогда же, в апреле 1929 г. был впервые составлен единый промфинплан промышленности на военное время, в который как составная часть входил мобплан (план предприятий, имеющих мобзадание). Обозначенный литерой «С», он «должен был полностью отражать изменения, которые вызовет в промышленности война»²⁴.

Можно констатировать, что к осени 1929 г. сталинское большинство в руководстве страны было уже готово к возвращению хорошо ему знакомой мобилизационной политики, нацеленной на этот раз на решение новой чрезвычайной задачи – осуществление ускоренной индустриализации. Однако этому еще препятствовали два обстоятельства: внутренняя оппозиция в Политбюро в лице лидеров «правого уклона» Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, а также отсутствие явной внешней угрозы, которая могла бы сплотить общество и легитимизировать мобилизационные практики. С первой проблемой удалось справиться на ноябрьском пленуме ЦК, довершившим разгром «правого уклона» и выведшим отказавшегося покаяться Н. И. Бухарина из состава Политбюро. А вот внешнеполитический климат к осени 1929 г. не вызывал опасений. Весной на выборах в Великобритании победили лейбористы, отошедшие от курса на конфронтацию с СССР, продвигавшегося их предшественниками-консерваторами, а летом победоносно для СССР завершился конфликт на КВЖД. В этих условиях сталинское руководство пошло на сознательную инсценировку внешнеполитического конфликта, квалифицируя в качестве такового имевшуюся якобы иностранную поддержку фигурантам «шахтинского» дела. Сфабрикованные результаты следствия показывали, что в скором времени ожидается интервенция со стороны Польши,

Румынии, Франции и Прибалтийских государств²⁵. Именно эта «крапленая карта» и была использована И. В. Сталиным для легитимации политики «большого скачка» и сопровождавших ее мобилизационных решений по крестьянству.

Уже в IV квартале 1929 г. были подвергнуты пересмотру в сторону резкого повышения народнохозяйственные планы практически всех отраслей промышленности. В ноябре 1929 г. была опубликована статья Сталина «Год великого перелома», в которой утверждалось, что уже удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства» в пользу колхозов²⁶. После обсуждения этой статьи на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) была принята программа сплошной коллективизации сельского хозяйства. Наркомзем СССР утвердил на посевную компанию 1930 г. начало пятилетнего плана коллективизации сельского хозяйства, по которому к концу 1930 г. обобществлено должно было быть более трети всей посевной земли в стране. План подразумевал полное обобществление пашни, инвентаря, рабочего скота, а домашний скот подлежал обобществлению в районах сплошной коллективизации на 80 %. На его основе в январе 1930 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» которое еще более сократило сроки коллективизации²⁷. В январе 1930 г. была осуществлена кредитная реформа, ликвидировавшая взаимный кредит между предприятиями и организациями, а следовательно, и возможности межотраслевого перелива денежных средств, что поставило всю финансовую систему под тотальный контроль государства. В апреле 1930 г. создается Главное Управление лагерей ОГПУ – знаменитый ГУЛАГ, на который возлагается ряд хозяйственных задач, в том числе снабжение рабочей силой «районов нового освоения».

Таким образом, политические решения осени 1929 – весны 1930 гг. запустили в действие механизмы мобилизационной политики, причем в условиях, которые не являлись чрезвычайными. Фактически удачная инсценировка позволила направить мобилизационные усилия государства на нужды модернизации страны, как ее понимали сам Сталин и его окружение.

Вторая волна мобилизационной политики имела ряд качественных отличий от предыдущей. Она осуществлялась в

мирное время, в кардинальным образом изменившихся институциональных условиях (отсутствие частной собственности и тотальное огосударствление экономики), монополия одной политической силы во главе с харизматичным лидером. К началу 1930-х гг. в СССР реализовывались семь из восьми принципов мобилизационной модели развития: 1. Принцип «главного звена», сконцентрировавший основные ресурсы страны в сфере тяжелого промышленного производства; 2. Принцип целевой направленности политики, ориентирующий общество на ускоренную индустриализацию (как говорил Сталин: – «или нас сомнут»); 3. Принцип достижения цели любой ценой, толкавший правительство к использованию методов внеэкономического принуждения, созданию системы ГУЛАГа и экспорту хлеба за валюту во время голода 1932 – 33 гг.; 4. Принцип командности, который обеспечивался действием единого народнохозяйственного плана, отсутствием независимых от государства субъектов легальной экономики; 5. Принцип сильной власти, основывавшийся на политической монополии Сталина, после разгрома всех оппозиционных уклонов в партии и поддерживавшийся разросшимся репрессивным аппаратом; 6. Принцип идеократизма, сохранявший свое воздействие даже в годы НЭП, позволил глубоко внедрить в общественное сознание новую национальную идею – строительства первого в мире социалистического государства с использованием новейших достижений индустриальной цивилизации; 7. Принцип сознательности нашел свое воплощение в поддержании государством энтузиазма рабочих масс, подвергавшихся более чем десятилетней идеологической обработке и в насаждении культа советского патриотизма. Восьмой принцип – «дискретности» искусственно подавлялся государством для того, чтобы остальные мобилизационные принципы продолжали свое действие в долгосрочной перспективе.

Несмотря на очевидные провалы мобилизационной политики, к которым можно отнести невыполнение фантастических планов первой пятилетки и возвращение голода в 1932–33 гг. руководство страны не пошло на ее пересмотр и мобилизационные практики оставались актуальными вплоть до начала Второй мировой войны, когда внешнеполитическая ситуация сделала их использование не только легитимным, но и необхо-

димым для общества. В итоге, третья волна мобилизационной политики, протекавшая в годы Великой Отечественной войны, стала непосредственным продолжением второй волны, без всяческих перерывов между ними. К концу 1930-х гг. в СССР было построено зрелое общество мобилизационного типа, которое показало свою эффективность в чрезвычайных условиях военного времени и послевоенного восстановительного периода. Однако такое общество могло поддерживать свое внутреннее единство только благодаря высокому авторитету власти, подрыв которого после смерти И. В. Сталина открыл выход долго сдерживаемой инерции, определяемой влиянием принципа дискретности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – М., 1993. С. 88–89.

² Анисимов Е. В. Время петровских реформ. – Л., 1989. – С. 132–133

³ Драгомиров М. И. Австро-Прусская война. 1866 год. – М., 2011. – С. 58–63.

⁴ Страхов В. В. И. С. Блюх и А. А. Гулевич о финансово-экономических проблемах участия России в «большой» войне // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всерос. науч. конф. – Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск, 2009. – С. 112–119.

⁵ Фишер В. Европа: экономика, общество, государство. 1914–1980. – М., 1999. – С. 263–269.

⁶ Мау В. Реформы и догмы. – М., 1993. – С.18–19.

⁷ Мау В. Указ. соч. – С. 38–39.

⁸ ГАСО, Ф. 111, Оп. 1, Д. 476, Л.3; Оп. 2, Д. 135, Л. 2–3.

⁹ Фонотов А. А. Указ. соч. – С. 88–89.

¹⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 167–168.

¹¹ Положение о Совете рабочей и крестьянской обороны. Постановление ВЦИК от 30 ноября 1918 г.

¹² Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. – М., 1920.

¹³ Цит. по: Бухарин Н. И. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабочее-крестьянский блок. – М., 1925.

¹⁴ Свечин А. А. Стратегия. – М., 1927. – С 61.

¹⁵ Свечин А. А. Указ. соч. – С. 67.

- ¹⁶ Свечин А. А. Указ. соч. – С. 61.
- ¹⁷ Тухачевский М. Н. Новые вопросы войны // Антология отечественной военной мысли. Книга 10. – М., 1996. – С. 146.
- ¹⁸ Тухачевский М. Н. Вопросы современной стратегии. – М., 1926. – С. 17.
- ¹⁹ Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. – М., 2004.
- ²⁰ Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – М., 2008. – С. 51–52.
- ²¹ Кен О. Н. Указ. соч. – С. 80.
- ²² Сталин И. В. Сочинения. – Т. 13. – М., 1949. – С. 39.
- ²³ Сталин И. В. Сочинения. – Т.8. – М. 1954. – С. 120.
- ²⁴ Кен О. Н. Указ. соч. – С. 136.
- ²⁵ Письмо И. В. Сталина – Р. М. Менжинскому. Октябрь 1929 г. // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – Т.1. – М., 1996. – С. 426.
- ²⁶ Сталин И. В. Сочинения. – Т. 12. – М., 1949. – С. 125.
- ²⁷ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание в начале 1930-х гг. // Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М., 1996. – С. 254.

Глава 2.

Мобилизация финансов: из опыта участия России в мировых войнах

В первые месяцы войны – август-ноябрь 1914 г. – промышленность и торговля в Российской империи постепенно адаптировались к новым условиям деятельности, вызванным закрытием границ, через которые ранее осуществлялись внешнеэкономические связи. Черноморские проливы для русских кораблей оказались заблокированы. Имеющиеся порты – далекий Владивосток и замерзающий более чем на полгода Архангельск – не обеспечивали необходимого объема международных трансакций. Проведение экспортно-импортных операций через нейтральные страны, например, Швецию и Румынию, также сталкивалось со все возрастающими рисками.

Данные обстоятельства, создавая ощутимые трудности для поставок в Россию военных материалов, поначалу практически не отразились на уровне благосостояния масс. Опасения по поводу перенасыщения внутреннего рынка продовольствием и падением цен на него в связи с прекращением вывоза оказались напрасными, поскольку резко увеличились государственные закупки для нужд армии. Поэтому денежные доходы производителей сельхозпродукции: и помещиков, и крестьян – остались на приемлемом уровне. Кроме того, принятие жесткого сухого закона, запрещавшего на период военных действий продажу на всей территории империи спиртосодержащих напитков (исключение было сделано только для ресторанов), а также развернувшееся в обществе движение по оказанию помощи семьям мобилизованных вызвали огромный приток вкладов в сберегательные кассы¹. Столь явно выраженная готовность населения к добровольному «кредитованию» своего правительства открывала для последнего возможность финансового маневра и явилась стабилизирующим фактором, сдерживающим как ажиотажный спрос на товары, так и инфляцию, что, в свою очередь, облегчало управление и объективно способствовало более

скорому приспособлению национального хозяйства к запросам фронта.

Возникла идея внутреннего облигационного займа, которая воплотилась в жизнь в октябре 1914 г. Хотя в его официальном названии отсутствовало слово «военный», все средства от реализации (500 млн. руб.), предназначались для покрытия расходов по чрезвычайному бюджету, то есть для финансирования войны. Заем был рассчитан на погашение тиражами в течение 49 лет, начиная с 1916 г., имел фиксированный доход в 5% годовых и выпускался по курсу 94 руб. за 100 номинальных². Удалось собрать 466 млн. руб. Всего за время войны царское правительство выпустило шесть внутренних займов. В подписчиках трех первых числились, в основном, банки и крупные капиталисты, а трех последующих – представители широкой публики и учреждения мелкого кредита. По приблизительным оценкам общая сумма аккумулированных денежных средств составила около 6 млрд. руб.

В сентябре 1914 г. правительство издало серию постановлений, согласно которым германским, австро-венгерским и турецким подданным, находившимся на территории Российской империи, запрещалось владеть и приобретать в собственность недвижимое имущество, занимать ответственные должности в правлениях акционерных обществ. Земельные владения граждан государств Тройственного союза, хотя бы и состоявших в российском подданстве, в приграничных и приморских областях, в прифронтовой полосе подлежали принудительной продаже русским подданным. Акционерные общества, владевшие недвижимостью на условиях найма или аренды, теряли права по истечении года после публикации постановлений. К концу 1914 г. из 34 акционерных компаний, учрежденных на основании германских и австрийских законов и допущенных к действию в России, 15 были закрыты, 5 подчинены правительственному надзору, 4 секвестрованы, имущество ряда компаний полностью или частично подверглось реквизиции.

Подданные стран – военных противников в России были обязаны уведомить власти о наличии у них имущества, если его стоимость превышала 500 рублей. Продажа, передача, залог этого имущества допускались только с разрешения специально учрежденного Особого комитета для учета убытков,

понесенных русскими подданными вне России, а суммы, вырученные от реализации имущества, должны были вноситься на специальный счет в Государственном банке. Правительство запретило подданным стран Центральных держав предпринимательскую деятельность, отменило выдачу свидетельств на открытие ими новых промышленных предприятий, а действующие предприятия подлежали ликвидации. Всего в список указанного комитета попало 611 предприятий. На специальных инспекторов возлагался контроль за движением средств ликвидируемых предприятий, чтобы не допустить их перевода за границу³.

В феврале 1915 г. на волне усилившихся антинемецких настроений Сенат лишил подданных держав Тройственного союза также и права пользоваться судебной защитой, что на практике означало разрешение российским предпринимателям не платить по обязательствам, возникшим перед германскими и австрийскими фирмами и банками. Активы последних в России вскоре были национализированы, а затем переданы в долевую собственность отечественным промышленникам.

К слову, это распространение законов военного времени на частно-правовые отношения было абсолютной юридической новацией. Например, в Крымскую кампанию Россия продолжала выплачивать Англии проценты по займам. Однако высвободившиеся таким образом средства не были оперативно направлены на увеличение военного производства. Причина в том, что чиновники и промышленники были уверены в краткосрочности войны. Им казалось нерациональным тратить на возведение новых оружейных цехов, которые, в лучшем случае, заработают спустя полтора-два года, когда победа будет уже достигнута.

Подобные благодушные настроения были распространены повсеместно, несмотря тревожную статистику первого месяца боев. Уже в сентябре 1914 г. выяснилось, что расход артиллерийских снарядов превысил 1 миллион штук, тогда как в августе удалось изготовить лишь около 100 тыс. единиц.

Серьезность положения усугублялась почти полным отсутствием транспортного сообщения с внешним миром и, следовательно, физической невозможностью воспользоваться соответствующей помощью союзников до начала грядущей летней

кампании. Попытка англо-французского флота проложить дорогу караванам с боеприпасами для русской армии, предпринятая в феврале 1915 г. через Дарданеллы, окончилась неудачей после подрыва нескольких крупных судов на расставленных турками плавучих минах. В итоге, на восточном фронте последовали тяжелейшие поражения. Иначе и не могло быть, ведь немцы при артиллерийской подготовке наступления тратили до 700 тыс. снарядов за несколько часов, тогда как русская военная промышленность производила это количество за полгода.

Подробный анализ причин и последствий стратегических неудач России на втором году войны не входит в задачу настоящего исследования. Скажем только, что катастрофа побудила приступить, наконец, к «мобилизации промышленности». Было начато строительство и переоснащение больших казенных заводов. Из золотовалютных запасов оплачивались размещенные в Америке и Англии заказы на оборудование и снаряжение⁴.

Попутно активизировалась деятельность различных общественных организаций: Общеземского союза, Союза городов, Земгора, военно-промышленных комитетов на местах, которые, несмотря на то, что существовали на государственные средства, взимали комиссионные сборы с каждого заключенного при их посредничестве контракта. Кстати, военное министерство неоднократно выражало недовольство невыгодными условиями поставок армейского снаряжения, однако ситуация не менялась.

Отчасти оно само было в этом виновато. Еще в сентябре 1914 г. на совещаниях заводчиков с участием военного министра В. А. Сухомлинова и его помощника А. П. Вернандера, исполняющий обязанности начальника Генерального штаба, М. А. Беляев сообщил о том, что потребность войск в снарядах втрое больше того, что может поставить отечественная промышленность. Тем самым он спровоцировал претензии производителей к установлению максимально высоких расценок на вооружение, а также на получение от казны бесплатных субсидий на приобретение необходимых материалов, оборудования, ведение строительных работ⁵. Военный совет все условия принял и пошел еще дальше, санкционировав выдачу аванс-здатка в размере до двух третей от общей стоимости заказа,

определенной в 90 млн. руб. В карманах крупнейших промышленников росчерком пера оказалось свыше 60 млн. руб. Как писал крупнейший знаток экономики России периода Первой мировой войны А. Л. Сидоров «контракты, заключенные с казной на снаряды, стали открытым и легальным способом ее многомиллионного ограбления»⁶.

В мае 1915 г. по предложению Ставки было учреждено Особое совещание при военном министре. Его цель заключалась в принятии экстренных мер для обеспечения широкого участия промышленности в изготовлении необходимых армии огнестрельных припасов, инженерного и интендантского снаряжения путем привлечения к этой работе всех частных заводов, «не останавливаясь даже перед реквизицией их запасов и станков». Совещание, будучи чрезвычайным и отдельным от военных и гражданских властей органом, сразу распространило выдачу кредитов и безвозвратных пособий не только на организацию новых заводов и мастерских, но и на расширение существовавших ранее, независимо от формы собственности. Впоследствии предоставление ценовых преференций частникам за выполнение военных заказов обернулось колоссальным перерасходом государственных средств. Только за 1916 г. переплата, в сравнении с казенными заводами, выпускавшими аналогичный ассортимент, выразилась в сумме 1094125 тыс. руб. Однако, даже находясь в привилегированных условиях, владельцы предприятий систематически обращались к банкирам с просьбой о краткосрочных займах. Например, Путиловский завод брал деньги под 10–16% , что увеличивало его издержки на 7 млн. руб. в год. По причине хронической неплатежеспособности в 1916 г. он был секвестрирован, т. е. передан под управление правительственных инспекторов и директоров⁷.

При подсчете финансовых затрат, связанных с перепрофилированием промышленности, не следует забывать и о такой статье, как расходы на эвакуацию. К началу августа 1915 г. немцы стояли в 18 верстах от Митавы, что побудило русские власти в спешном порядке начать вывоз предприятий Рижского района вглубь страны. На это было израсходовано 6,4 млн. руб., не считая многомиллионных пособий, выделенных позднее их владельцам «на восстановление». В целом, размер спе-

циального эвакуационного фонда, созданного правительством в 1915 г., составил 100 млн. руб. Потратили все до копейки⁸.

Столь кардинальное перенаправление финансовых потоков не могло не отразиться на денежном обращении. Осенью 1915 г. в империи возник кризис разменной монеты: из оборота исчезли сначала серебряные, а затем и медные деньги. Страхуясь от масштабного увеличения цен, люди придерживали «твердую» валюту из дорогого металла. Правительство отреагировало введением платежного суррогата – почтовых марок мелкого достоинства, что слегка сгладило проблему.

Действительно, по сравнению с довоенным уровнем хлеб подорожал на 40 %, масло на 45 %, мясо на 25 %, сахар на 33 %. К июлю-августу 1916 г. индекс оптовых цен достиг соответственно 191 %, 245 %, 248 % и 148 %, розничные были еще выше⁹. На их рост, наряду с сокращением товарного оборота, влияло ускоренное печатание ассигнаций, в котором верховная власть видела дополнительный источник дохода казны. К 1917 г. количество бумажных денег в обращении по сравнению с довоенным периодом, увеличилось в 2,75 раза, покупательная сила рубля из-за необеспеченности его золотым и товарным покрытием сократилась в 3 раза, а реальная заработная плата петроградских рабочих упала на 15 %¹⁰.

В некоторых губерниях власти утвердили обязательные фиксированные прейскуранты на ряд продуктов, что сразу вызвало перебои в снабжении. Осенью 1916 г. встал вопрос о принудительном закупе продовольствия у крестьян, располагавших 7/8 всех его запасов, на «справедливой основе». Последний царский министр земледелия А. А. Риттих попытался в хлебородных районах ввести подобие регулируемой продразверстки, но затея потерпела неудачу. Селяне прятали хлеб, поскольку в стране явственно стал ощущаться товарный голод: не хватало тканей, обуви, железных изделий, стоимость которых выросла вне всякой соразмерности с сельскохозяйственными продуктами. Так гвозди подорожали в 8 раз. Пуд пшеницы вместо 10 аршин ситца, «тянул» лишь на 2.

Ухудшение материальных условий жизни внизу социальной пирамиды происходило на фоне невиданного повышения деловой активности в ее верхах. Полученные от выполнения военных заказов деньги вкладывались в создание новых фирм,

которые, в свою очередь, становились подрядчиками военно-промышленных комитетов. Кроме того, значительная часть предприятий, принадлежавшая ранее единоличным предпринимателям, реорганизовывалась по их собственной инициативе в акционерные общества.

«Учредительский бум» имел неоднозначные последствия. С одной стороны, выпуск ценных бумаг помогал собрать необходимые средства для технологического перевооружения промышленности и лучшего приспособления ее к запросам войны. В особенности это коснулось горнорудной, металлургической, металлообрабатывающей, химической отраслей. С другой стороны, объединение ранее существовавших заводов, цехов и мастерских под одной вывеской превращало их в монополистов, что усиливало позиции директоров в переговорах с государственными чиновниками. Если совокупный капитал акционерных обществ, действовавших в России в 1913 г., определялся в 403,1 млн. руб., то за время войны в связи с усилившимся процессом концентрации производства и роста на этой основе новых акционерных обществ он значительно увеличился, составив на 1 августа 1917 г. 1056 млн. руб.¹¹

После Февральской революции процедура регистрации эмиссии и размещения акций значительно упростилась. При царе ее санкционировал Совет министров, при Временном правительстве достаточно стало единоличного решения министра торговли и промышленности. Минимальная сумма объявленного капитала была понижена с 200 тыс. до 20 тыс. руб., а номинальная цена одной бумаги вместо 60 руб. устанавливалась в 28 руб. Облегчение формальных требований к организации акционерных обществ позволило промышленной буржуазии еще больше укрепить свое финансовое положение. За первое полугодие 1917 г. было образовано 206 новых акционерных обществ с капиталом в 468 млн. руб.¹². Более половины их уставного фонда принадлежало иностранным компаниям. На долю французских приходилось 32,6 %, английских – 22,6 %, немецких (!) – 19,7 %, бельгийских – 14,2 %, американских – 5,2 %, прочих – 5,2 %. Несмотря на риски портфельных инвестиций, обусловленные мировой войной, зарубежные вливания в российскую экономику текли широким потоком. По приблизительным подсчетам, они выразились в сумме 1750

млн. руб.¹³, что, в общем, неудивительно, если принять во внимание отношение валовой прибыли к акционерному капиталу, которое достигало к концу 1916 г. на металлообрабатывающих предприятиях 81,1 %, на металлургических – 50 %, на нефтяных – 22 %¹⁴. Приблизительно в 2 раза по сравнению с довоенным временем увеличились дивидендные выплаты.

Под влиянием вышеописанных процессов существенно изменилась роль банков. В мирное время основным источником их дохода являлась отдача от инвестиций в реальный сектор экономики. Теперь же они превратились в ростовщиков и комиссионеров, под определенный процент выдающих гарантии и ссуды на получение и выполнение военных заказов. Хорошую прибыль обеспечивала спекуляция акциями на вторичном рынке (например, довоенный курс акций Тульских меднопрокатных заводов к 1917 г. вырос в 7,7 раза), а также скупка и перепродажа дефицитных товаров широкого потребления.

Для того чтобы расширить финансовую базу военной экономики России, царское правительство провело ряд мероприятий. Напомним, что в связи с запретом виноторговли государство лишилось 800 млн. руб. в год. Потерю пытались компенсировать разными способами. Во внешней торговле были приняты меры, во многом предвосхищавшие введенную позднее большевиками государственную монополию в данной сфере. Особым совещанием по обороне в начале 1916 г. частным лицам и организациям запрещалось делать закупки за границей. Предприниматели могли производить зарубежные заказы только через уполномоченного Особого совещания, в руках которого находилась вся валюта, предназначенная для этих целей.

Повышались налоги на капитал, промыслы, косвенные налоги, была увеличена провозная плата, пассажирский тариф, ввели налог на хлопок и т. д. С 15 мая 1915 г. стал действовать временный налог на военную сверхприбыль, а с 6 апреля 1916 г. – постоянный корпоративный подоходный налог. По этим платежам предполагалось получить в казну в 1917 г. соответственно 55 млн. руб. и 150 млн. руб., что всего в 2 раза превышало уровень налоговых поступлений 1900 г. при увеличении прибылей этого года в 6–7 раз¹⁵.

Переход к подоходному обложению, которое в довоенной

России отсутствовало (хотя первый подобный законопроект возник в думских комиссиях еще в 1908 г.), современники считали мерой кардинального характера. Предметом обложения данным налогом служил доход в течение предшествующего года, в какой бы форме он не получался от всякого рода источников. Минимальная ставка подоходного налога взималась с дохода в 850 руб. в год. Налогообложение было дифференцированным и прогрессивным. Первоначально его потолок установили в 12,5 %. Взимание налога должно было начинаться с 1917 г., считая доходы налогоплательщиков, соответственно за 1916 г., однако «текущие доходы имущих классов фактически не были затронуты налоговыми изъятиями».

Основанием для определения получаемого дохода являлось заявление (декларация), подаваемое плательщиком до 1 марта ежегодно, начиная с 1917 г. Для облегчения его подготовки издавались специальные пошаговые инструкции, понятные даже малограмотным. Заполненные декларации направлялись в участковые присутствия. Там они проверялись, путем получения сведений от учреждений, должностных лиц и податных инспекторов. Если документ не оформлялся в срок, виновный подвергался штрафу 200 руб. и ему давалось две недели на то, чтобы поправить положение. По их истечении налагалось дополнительное взыскание 300 руб.

В заявлениях о доходах, заполняемых налогоплательщиками, содержался перечень источников, подлежащих обложению. Среди них были: от денежных капиталов; от недвижимой собственности; от всякого рода торговых, промышленных и иных приносящих выгоду предприятий; от вознаграждений за службу (государственную, частную, общественную); содержание, квартирное и иное довольствие, пенсии, пособия; от профессиональных, личных, промысловых и иных занятий, не связанных с ведением за свой счет сельского хозяйства или содержанием торговых или промышленных предприятий; от всякого рода других источников.

Из указанных доходов подлежали вычеты по: долговым платежам; обязательным повременным уплатам; обязательным для плательщика взносам (например, в больничные, похоронные кассы); пожертвованиям; добровольно производимым взносам по страхованию капиталов и доходов; другим обло-

жениям, например, по промысловому или государственному квартирному налогам.

Налог охватывал большую часть общества. Под него попадали все виды доходов, в том числе полученные от земельной собственности. Поэтому нововведение затрагивало не только промышленников, но и крупных помещиков, и многочисленных крестьян, и других мелких и средних землевладельцев.

Дополнительный налог на доходы от военных заказов 12 июня 1917 г. ввело Временное правительство. Он взимался с прибыли, превышающей 10 % от основного капитала предприятия, задействованного на оборону¹⁶. Учитывалась также скорость прироста прибылей. Иными словами, вместо прежних платежей в 20 % с прироста при доходе свыше 8 %, и 40 % при приросте выше 20 %, были назначены: прирост свыше 6 % – налог в 40 %, а выше 20 % налог в 80 %. От учета освобождались доходы менее 1 тыс. руб., а те, что свыше 400 тыс. руб., облагались в размере 120 тыс. руб., с прибавлением к этой сумме по 3050 руб. на каждые полные 10 тыс. руб. сверх 400 тыс. руб. Тем самым вырасталась прогрессивная шкала, т. е. отношение наименьшего процентного отношения к наибольшему. Ранее оно составляло 1 к 17, теперь – 1 к 27. Параллельно была поднята предельная ставка подоходного налога с 12,5 % до 30 %. Кроме этого, только на 1917 г. устанавливался единовременный налог, исчисляющийся в том же размере что и подоходный, т. е. к платежу привлекались частные лица, общества, компании, товарищества, артели, если их годовой доход, с которого уже был исчислен подоходный налог, превышал 10 тыс. руб. В результате реформы совокупное обложение крупных доходов приблизилось к 90 % их объема. Принятые ставки налогов сохранились до 1918 г. включительно для всех территорий, включая местности, освобожденные от неприятеля, и местности, из которых были временно эвакуированы податные органы¹⁷.

Приведенные факты позволяют утверждать, что распределение тягот военного времени по группам населения в императорской России носило отчетливо выраженный классовый характер. Согласно подсчетам И. В. Маевского, трудящиеся слои оплачивали около 70 % всех военных расходов при том, что их доля в национальном доходе не превышала 30 %. Уровень ду-

шевого потребления в рабочих семьях в 1916 г. по сравнению с 1913 г. упал более чем в два раза¹⁸. Лишь к исходу третьего года войны пришедшее к власти Временное правительство приняло законы об относительно справедливом налоговом бремени, но использовать их потенциал в полной мере не успело, поскольку было сметено в ходе Октябрьского переворота.

Советская власть, также остро нуждалась в средствах. В первые месяцы ее существования важным источником государственных доходов явились контрибуции с представителей «побежденных» классов – помещиков и буржуазии. 30 октября 1918 г. ВЦИК пролонгировал взимание единовременного чрезвычайного налога; средства от него использовались для снабжения армии и городов. Попутно была ужесточена борьба с недобросовестными плательщиками. Например, в декрете Московского народного комиссара финансов отмечалось: «Лица, не внесшие подоходный налог полностью к 20 декабря 1917 г. подлежат, кроме мер, указанных в законе, денежным взысканиям, вплоть до конфискации всего имущества. Лица, умышленно задерживающие уплату налога, подлежат тюремному заключению до 5 лет». В июне 1918 г. по итогам заседания комиссии Департамента окладных сборов было запланировано сокращение допускаемых льгот обложения, расширение прав органов фиска в области контролирования деклараций о доходе. В положении о налоге на прирост корпоративных прибылей и на увеличение вознаграждения частных промысловых занятий, а также о налоге на военную прибыль планировалось увеличить максимальный размер обложения дохода до 95% его общей суммы в отношении предприятий и 50% в отношении вознаграждения частных лиц¹⁹.

Однако главный источник финансовых средств новая власть видела в поступлениях от обобщественных государственных предприятий. Но это не могло быть достигнуто немедленно, ибо внутренняя смута, приведшая к гражданской войне, вызвала коллапс хозяйственной жизни. Оставалось прибегнуть к простому и испытанному инструменту – печатанию бумажных денежных знаков. Их номинал в период с 1 ноября 1917 г. по 1 июля 1918 г. вырос с 22,4 млрд. руб. до 43,2 млрд. руб. или в 1,85 раза, тогда как реальная ценность денежной массы в пересчете на золото снизилась с 2200 млн. руб. до 486,5 млн. руб.²⁰.

Быстрое обесценение рубля и падение реальной ценности всей денежной массы усугублялась также крайним сокращением рыночного оборота вследствие общего падения продукции промышленности и сельского хозяйства, деградации транспорта. Происходила натурализация хозяйственных отношений между городом и деревней как стихийно – в порядке непосредственной товарной мены между горожанином и крестьянином, – так и принудительно – в порядке государственного товарообмена натурой или отчуждения сельскохозяйственных продуктов по твёрдым, не зависящим от курса рубля, ценам.

Последний способ стал играть решающую роль при введении натурального налога с сельского хозяйства и ещё более – после введения продразвёрстки, когда вся масса продуктов сельского хозяйства приобреталась почти без всякого эквивалента, за «пустые» деньги либо за долговые расписки, в порядке «ссуды» крестьянства пролетарскому государству.

В городе обесцениванию денег способствовала также отмена для некоторых категорий населения платы за отпускаемые государством населению продукты и промтовары, а также за коммунальные услуги. Пойти на этот шаг заставил безудержный рост рыночных цен на продовольствие и предметы повседневного спроса, за которым была не в состоянии угнаться даже очень большая зарплата. Так, индекс стоимости основных потребительских товаров к концу 1918 г. в Москве превысил показатель 1914 г. в 100 раз, а по 39 губерниям европейской России – в 62 раза²¹.

Межведомственный и межотраслевой обмен между отдельными предприятиями по поставкам сырья, средств производства, готовой продукции происходил через безналичный расчёт, т. е. перечисление определенных сумм в доходы казны или на текущие счета кооперативных учреждений, превратившихся в своеобразные расчетно-кассовые центры.

Деньги, таким образом, перестали быть средством платежа и получили лишь учётное, номинальное значение. Государственный бюджет в денежной форме перестал отражать движение реальных ценностей в рамках национального хозяйства, его расходы, доходы, дефициты. Это привело, в конце концов, к полной натурализации экономических отношений в стране. Именно Первая мировая война, а вовсе не большевики с их

вынужденной (хотя и идеологически выверенной) политикой «военного коммунизма», похоронила в России и товарный рынок, и деньги, и надежду на устойчивое, сбалансированное развитие.

Между тем, еще в ходе теоретической дискуссии конца 1890-х гг. о финансово-экономических последствиях вероятного общеевропейского военного конфликта, организованной по инициативе отечественных ученых и офицеров Генерального штаба, указывалось, что все вступившие в войну державы неизбежно столкнутся с необходимостью пересмотра бюджетной политики, активного поиска новых источников доходов, усиления косвенного и прямого налогообложения. Особое значение отводилось внутренним займам и стратегическим запасам в виде специальных фондов в золотой металлической валюте. Участники дискуссии вполне допускали возможность вмешательства органов власти в процесс ценообразования. Иными словами, именно сфера финансов рассматривалась в качестве главного объекта административного регулирования. Было высказано предположение, что чем дольше затянется война, тем активнее и разностороннее будут меры государства в данной области²². Однако, несмотря на наличие концептуальных построений, способных служить ориентиром при адаптации финансовой системы страны к нуждам продолжительной войны, царское правительство не сумело использовать интеллектуальный потенциал экспертного сообщества при выработке практического курса. Временное правительство продемонстрировало в этом смысле большую гибкость и приспособляемость, но в обстановке усиливающейся социальной нестабильности осуществить необходимые мероприятия уже не могло.

История войн показывает, что военные действия с течением времени обходятся все дороже. Если прямые расходы государств, участвовавших в Первой мировой войне, составили за 1914–1918 гг. 208 млрд. долл. (в ценах соответствующих лет), то во Вторую мировую войну они достигли уже 1000 млрд. долл., не считая ущерба от разрушений.

В течение 1941–1945 гг. финансы и денежное обращение теперь уже Советского государства подверглись очередной серьезной проверке на прочность. Для покрытия оборонных расходов и затрат, связанных с перебазируванием и дальней-

шим развитием промышленности в восточных районах страны требовалось сверхнапряжение всей финансовой системы. Правительство внесло существенные коррективы в государственный бюджет на второе полугодие 1941 г. Военные расходы по сравнению с первым полугодием увеличились на 20,6 млрд. руб., тогда как бюджетные средства, выделяемые на развитие гражданских отраслей, уменьшились на 21,6 млрд. руб., а на социально-культурные мероприятия – на 16,5 млрд. руб.

Особенно возросли ассигнования на мобилизацию и содержание армии, на развитие военной экономики, на массовую эвакуацию предприятий из прифронтовых районов, на выплаты пособий семьям военнослужащих. Между тем доходы бюджета значительно уменьшились из-за переключения предприятий на производство военной продукции и сокращения производства товаров, предназначенных для реализации населению. Дефицит наличности усугублялся еще и тем, что когда Красная Армия отступала, враг захватил большое количество советских денежных знаков в сберкассах и банках, приблизительно 4 млрд. руб. К тому же правительством СССР было принято решение снабдить советскими деньгами партизан и подпольные центры на временно оккупированной территории. Для этой цели выделялся особый фонд.

Все эти обстоятельства привели к тому, что уже в первые месяцы войны государство вынуждено было прибегнуть к эмиссии бумажных банкнот в значительном количестве. Однако основными источниками финансирования военной экономики по-прежнему оставались текущие доходы и накопления народного хозяйства, а также концентрация внутренних ресурсов и их перераспределение для нужд фронта. В каких объемах осуществлялась эта «концентрация» видно на примере соотношения заготовительных и розничных государственных цен на сельхозпродукты, установившихся к середине 1940-х гг.

Таблица 1²³

Цена	Рожь(кг)	Говядина (кг)	Молоко (л)	Масло (кг)
Заготовительная	5 коп.	34 коп.	45 коп.	1,3 руб.
Государственная (розничная)	21, руб.	13,2 руб.	18 руб.	25 руб.

Очевидно, что при таких условиях подавляющее большинство колхозов получало либо символический доход, либо не имело его вовсе, искусственно занижая данные о продаже на сторону скота, зерна, продукции подсобных предприятий. Тем не менее, финансовые органы выявляли подобные сделки и взыскивали положенные платежи. Например, работникам челябинского облфо удалось доказать увеличение доходов коллективных хозяйств области по указанным статьям с 85942 тыс. руб. в 1943 г. до 103518 тыс. руб. в 1944 г.²⁴. В результате государственный бюджет дополнительно получил почти 1,5 млн. руб.

Одна из существенных особенностей финансового хозяйства в период войны и военной экономики в целом состояла в том, что государство, изымая практически весь прибавочный, а порой и часть необходимого продукта из коллективизированной деревни, по отношению к промышленности продолжало опираться на хозрасчетные отношения, которые за годы войны не только не ослабли, но и значительно укрепились. Были усовершенствованы методы контроля со стороны финансовых органов, улучшилась их работа по изысканию дополнительных источников средств, проведению жесткой экономии в расходовании денег и материальных ценностей. Одновременно предпринимались энергичные меры по снижению себестоимости продукции с целью увеличения налогооблагаемой базы предприятий и организаций и, соответственно, отчислений в бюджет от полученной ими прибыли.

Себестоимость продукции государственных предприятий уменьшилась за 1942–1944 гг., в среднем, на 17,2 %. При этом надо иметь в виду, что в гражданских отраслях, она наоборот, возросла. Увеличение издержек производства определялось повышением заработной платы, снижением производительности труда из-за ухудшения фондообеспеченности и изменений в составе рабочих (набор неквалифицированных работников вследствие мобилизации специалистов в войска).

Снижение себестоимости происходило, в основном, в отраслях военной промышленности. Решающими факторами здесь были совершенствование технологических процессов, ввод в строй новых мощностей, рационализаторство и изобретательство. Например, затраты на производство средних и

тяжелых танков, а, соответственно и отпускные цены на них, за годы войны сократились в 2,5–3 раза. Сэкономленных денег хватило для того, чтобы дать фронту дополнительно более 14 тыс. танков Т-34. Снижая себестоимость массовой продукции, оборонные отрасли повышали свою рентабельность и тем самым становились крупным источником бюджетных поступлений. Так, за 1941–1945 гг. отчисления от прибыли в бюджет СССР выразились цифрой 9,7 млрд. руб. (8,7 % доходной сметы государства). В итоговой сумме прямых военных расходов поступления по статье «отчисления от прибыли» составили порядка 17 %²⁵.

Как в мирное, так и в военное время главным источником дохода государства являлся налог с оборота, который представлял собой часть денежных накоплений (чистого дохода) предприятий и производственных объединений, напрямую перечисляемую в бюджет. Он взимался в рублях с единицы объёма продукции в виде разницы между розничными и оптовыми ценами предприятий за вычетом торговых скидок. Еще в довоенный период налог с оборота сложился как важнейший экономический рычаг, обеспечивающий регулярность и устойчивость образования фонда государственных ресурсов²⁶. Его место в структуре цены выглядело следующим образом:

Себестоимость	Прибыль	Сбытовая торговая скидка с налога с оборота	Налог с оборота (чистый)
Отпускная цена без налога с оборота		Валовая сумма налога с оборота	
Розничная цена (прейскурантная)			

Но в условиях войны размеры доходов из этого источника в известной степени сократились вследствие территориальных потерь и перевода подавляющей части производственных мощностей на работу для армии. Дело в том, что с 1 января 1943 г. от налога с оборота освобождалась вся номенклатура изделий, изготавливаемых для армии. Спустя пять месяцев из-под обложения были выведены и некоторые виды дефицитных товаров, относящихся к группе повседневного спроса, например, мыло, спички, свечи, зубной порошок. С первого октября

1944 г. аналогичную льготу получила угольная промышленность²⁷. Обращаясь к вышеприведенной схеме, легко понять, что данная мера увеличивала долю средств, остающихся в распоряжении предприятия, и создавала стимул к расширению объемов производства. Общая сумма средств, поступивших в бюджет СССР от налога с оборота, достигла 44,8 млрд. руб., или 40,2 % всех доходов государственного бюджета за годы войны²⁸.

Зато по сравнению с периодом мирного строительства в доходах государственного бюджета повысился удельный вес поступлений от населения. Налоги с физических лиц стали важным инструментом сосредоточения средств, необходимых для ведения войны с немецкими агрессорами. Были введены: с 1 января 1942 г. специальный военный налог, сборы по которому заняли первое место, с 21 ноября 1941 г. – налог на холостяков и малосемейных, с 10 сентября 1942 г. – единый налог со зрелищ. Культсбор с рабочих и служащих объединили с подоходным налогом. Ощутимо повысились ставки сельскохозяйственного налога. Если в 1941 г. одно подсобное хозяйство колхозника Свердловской области в среднем выплатило налогов и сборов 320 руб. (12,2 % общего денежного расхода), то в 1945 г. – 983 руб. (21,6 %)²⁹. На 10% больше, чем занятые в госсекторе, начиная с мая 1943 г., платили со своего заработка кооперированные кустари, ремесленники и члены промысловых артелей, которые трудились на дому³⁰. Всего за четыре с половиной года войны налоговые поступления от населения составили 13,7 млрд. руб., т. е. 13 % доходов госбюджета.

Унификации и упрощению подверглась система местных налогов и сборов, куда входили: налог со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, с владельцев скота и разовый сбор на рынках за право торговли. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. первые два налога взимались с предприятий, организаций и физических лиц, владеющих недвижимостью. Остальные три уплачивало исключительно население.

Налогом со строений облагались жилые дома, фабрично-заводские корпуса, склады, торговые помещения, театры и всякого рода другие постройки, принадлежащие предприятиям, учреждениям, организациям и отдельным гражданам. В указе

содержался перечень из 13 групп, которым полагались льготы по его уплате. В частности, от налога освобождались здания, занятые непосредственно воинскими частями и общежитиями начальствующего состава РККА, ВМФ и войск НКВД; а также те, в которых располагались отделения Осоавиахима, МОПРа, обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Данный налог взимался в следующих размерах: а) с жилого фонда кооперативных предприятий, учреждений и организаций в размере 0,5 % от первоначальной бухгалтерской оценки стоимости строений на 1 января текущего года; б) с остальных строений – в размере 1 %. В том случае, когда оценка не проводилась, или ее материалы отсутствовали, стоимость объекта недвижимости определялась налоговыми органами³¹.

Уплачивать земельную ренту полагалось за застроенные и незастроенные земли, предоставленные предприятиям, учреждениям, организациям и отдельным гражданам в бессрочное пользование и по договорам о праве на застройку. От ее выплаты освобождались 12 категорий землевладений, в том числе земли, закрепленные за колхозами в бесплатное и бессрочное пользование, т. е. навечно; земли, находящиеся в личном пользовании колхозных дворов, а также хозяйств единоличников и других не членов колхозов, подлежащих обложению сельскохозяйственным налогом; земли, находящиеся в пользовании воинских частей РККА, ВМФ, НКВД, а также земли, занятые полигонами предприятий оборонной промышленности.

Для взимания земельной ренты все поселения были разделены на шесть классов в зависимости от их административного значения, численности населения, уровня развития промышленности и торговли и некоторых других экономических критериев. Распределение поселений по классам производилось республиканским правительством по представлениям наркоматов. Ставки земельной ренты за квадратный метр по классам поселений были установлены в следующих размерах: 1 класс – 18 коп., 2 класс – 15 коп., 3 класс – 12 коп., 4 класс – 9 коп., 5 класс – 6 коп. и 6 класс – 4 коп. От налога со строений и земельной ренты областные власти получали свыше 80 % всех денежных средств, которые попадали в их распоряжение. На госпошлину приходилось 15 %, и оставшиеся 4 % давали прочие местные налоги. По данным Н. Н. Ивлева, ставки мест-

ных налогов и сборов в 1942 г. возросли по сравнению с довоенными в 1,7 раза. Это был один из способов стабилизации финансовой ситуации в провинциальной глубинке, которую с началом войны обязали существенно увеличить отчисления из местных бюджетов в общесоюзный «котел»³².

В продолжение всей войны СССР воздерживался от кредитования за рубежом, хотя поставки по ленд-лизу из США и Великобритании военной техники можно рассматривать как своеобразную форму заимствования. В свете исследуемой проблематики важно, что по условиям соглашения, заключенного между сторонами, стоимость самолетов, автомобилей и проч., потерянных в ходе боевых действий, не подлежала возмещению.

Но известно о таком факте: сначала в 1943 г. на встрече лидеров трех великих держав в Тегеране, а затем в 1944 г. на международной финансовой конференции 44 стран-союзников в Бреттон-Вудсе (официальную делегацию Советского Союза возглавлял зам.наркома по внешней торговле М. С. Степанов) президент США Ф. Д. Рузвельт обещал И. В. Сталину беспроцентный заем в 6 млрд. «золотых» долларов в качестве продолжения военно-экономической помощи в будущей совместной борьбе против Японии и для последующего восстановления разрушенного войной хозяйства. Поэтому СССР одобрил учредительные документы созданных на конференции организаций – Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, которым отныне предоставлялось право решать вопрос о том, кому необходимы финансовые вливания.

Однако новый президент США Г. Трумен фактически отверг интернациональную Бреттон-Вудскую систему, заменив ее на чисто американский «план Маршалла». Последний виделся ему как инструмент политического давления на разоренную послевоенную Европу, в котором Советскому Союзу отводилась второстепенная роль одной из региональных держав, пострадавших от гитлеровской агрессии, наряду с Францией и Великобританией. В ответ И. В. Сталин отказался от ратификации подписанных ранее финансовых соглашений³³.

Один из каналов, по которому средства иностранного происхождения поступали в Советский Союз и использовались в

целях обороны, появился благодаря деятельности Еврейского антифашистского комитета, организованного в феврале 1942 г. при Совинформбюро. Его руководители, театральный режиссер С. Михоэлс и писатель И. Фефер, во второй половине 1943 г. были приглашены в США, Канаду, Мексику и Англию. Во время турне они выступали на многолюдных митингах, рассказывая о Холокосте и других преступлениях нацизма. Им удалось собрать десятки миллионов долларов пожертвований, в основном, от рядовых граждан. Этих денег хватило для постройки 1000 самолетов и 500 танков. Также в СССР из Америки отправились два парохода с вещами, медикаментами и продуктами³⁴.

Однако гораздо более надежным и мощным источником финансирования военной экономики стала добровольная помощь населения в виде приобретения облигаций внутренних государственных займов, которые выпускались сроком на 20 лет и состояли из двух траншей: выигрышного и процентного. Первый распространялся среди физических лиц, а второй, гарантировавший доходность 4 % годовых, среди промысловых артелей и колхозов. Размещению предшествовала большая подготовительная работа: проводилась агитация, формировались комиссии содействия, на предприятиях из числа членов партии и активистов выбирались ответственные за подписку. Бухгалтерия составляла зарплатные ведомости. Большинство граждан подписывались на заем в размере месячного заработка, но немало было и таких, кто покупал облигации на полторы-две зарплаты. В сельских районах местные власти авансировали колхозников «живыми» деньгами, организовывали «торговые» десанты в город, чтобы селяне могли продать часть имеющихся у них продуктов на рынке, а вырученные средства отдать в долг государству. До войны сельские районы обеспечивали 15–17% общей суммы займа, а в 1944–1945 гг. — около трети. Всего государственных военных займов среди трудящихся было распространено на 9 млрд. руб., т. е. почти вдвое больше, чем за весь довоенный период. Общая же сумма поступлений по налогам и добровольным взносам составила 27 млрд. руб., т. е. более 26 % доходов госбюджета.

Важной формой участия населения в военных расходах страны явились денежно-вещевые лотереи. Выигрыши по ним

устанавливались в размере 20 % от их номинальной суммы. В 1941–1944 гг. были проведены четыре таких розыгрыша, давшие 1,2 млрд. руб. Значительные средства (1,1 млрд. руб.) составила денежная компенсация за отпуска, перечисленная в специальные именные вклады, не подлежащие выдаче на руки. Их владельцам выдавалось особое «Свидетельство» с четырьмя талонами, по которым была предусмотрена поэтапная выплата после войны полной суммы вклада с включением в нее дохода в размере 3 % годовых.

Параллельно для привлечения потенциальных вкладчиков в сберкассы использовались радио и печать, рекламные листовки и плакаты, индивидуальные беседы с гражданами. Появился новый вид вклада – выигрышный. Сумма выигрыша определялась величиной вклада и продолжительностью его хранения. Начиная с 1942 г. в ряде регионов, например, в Челябинской области, наблюдался постоянный рост количества открытых индивидуальных лицевых счетов и их средних размеров³⁵. В целом по стране динамика представлена в Таблице 2³⁶.

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число вкладов в сберкассах (тыс. единиц)	17346	9669	9155	4180	4123	5020
Сумма вкладов всего в млн. руб.	7253	4960	4410	4405	5232	9001

Кроме мобилизации денежных средств существовал еще один путь получения дополнительных доходов в бюджет – сокращение управленческих расходов. Этой работой занимались штатные отделы областных финансовых органов. В их задачи входили регистрация управленческих штатных расписаний и контроль над административно-управленческими расходами. Регистрация управленческого аппарата проходила ежегодно. О ее начале сообщали заранее, используя средства массовой информации и совещания руководителей, главных бухгалтеров предприятий и представителей облфо. Предприятиям и организациям, которые не прошли регистрацию, Госбанк прекращал выдачу средств на зарплату и административные расходы³⁷.

Боевую мощь Советского государства укрепляло массовое движение за создание Фонда обороны СССР. Его организовывали местные партийные, профсоюзные и комсомольские организации. Кроме денег, ценных вещей, ювелирных изделий и облигаций горожане передавали в дар Фонду обороны часть своего заработка, а сельские жители сдавали мясо, зерно и молочные продукты. Возникли патриотические трудовые подвиги. Например, рабочие в свободное время безвозмездно ремонтировали оборудование, помещения цехов, подвижной состав и т. п., а коллективные хозяйства досрочно погашали свои финансовые обязательства перед государством. Крупные суммы вносили отдельные трудящиеся. Так, колхозник Новопокровского района Саратовской области Ф. П. Головатый передал 20 тыс. руб. (по курсу рубля после 1 января 1961 г.) из своих личных сбережений на строительство двух самолетов. Общая сумма денежных средств, поступивших от населения в Фонд обороны за годы Отечественной войны, составила свыше 16 млрд. руб. В годы войны широко практиковалась отправка на фронт подарков, которые старались приурочить к всенародным праздникам.

Существовали также целевые фонды «Красной Армии» и «Восстановления хозяйства в освобожденных районах», куда кроме наличных денег принимались облигации государственных займов, драгоценные металлы и камни, сельскохозяйственные продукты, одежда и обувь. В 1941 г. до наступления зимы, за три осенних месяца, было собрано более 15 млн. единиц различных теплых вещей: 1175 тыс. пар валенок, более 1800 тыс. полушубков, ватных курток и шаровар, 1333 тыс. шапок-ушанок, 1 430 тыс. шерстяных свитеров, джемперов, теплого белья, свыше 4 500 тыс. пар шерстяных варежек, перчаток, чулок, меховых рукавиц и др. Кроме того, было получено около 2800 т шерсти, из которой можно было изготовить более 1 млн. пар валенок или не менее 10 млн. пар варежек. За счет полученных от населения в 1941 г. теплых вещей и обуви представилось возможным одеть и обуть более 2 млн. солдат³⁸. Труженики деревни в 1943 г. возместили государству стоимость зерна, недополученного в результате резкого сокращения объема работ машинно-тракторных станций.

Несмотря на всемерную денежную и материальную помощь граждан своей стране, в первый период войны доходы

государственного бюджета не покрывали его расходов. Однако этот дефицит из года в год снижался, что иллюстрирует Таблица 3. (в млрд. руб.)³⁹:

Годы	Доходы	Расходы
1940	18,0	17,4
1941	17,7	19,1
1942	16,5	18,3
1943	20,4	21,0
1944	26,8	26,4
1945	30,2	29,8

Важную роль в увеличении государственных доходов в начале войны сыграло аккумулирование свободных финансовых резервов хозяйствующих субъектов. На покрытие военных расходов были направлены бюджетные средства, образовавшиеся в предвоенные годы в результате превышения доходов над расходами; неиспользованные денежные суммы государственных и кооперативных предприятий из фонда директора; временно свободные капиталы банков, предназначенные для долгосрочных вложений; излишки собственных оборотных средств различных хозяйственных организаций и др. К этому следует прибавить такие доходы, как подоходный налог с кооперации в городе и деревне, поступления из сберегательных касс и органов государственного страхования, средства социального страхования, таможенные доходы, доходы бюджетов местных Советов.

Своевременной и оправданной мерой стало введение «свободной» или «коммерческой торговли», с повышенными в 2–3 раза ценами на некоторые товары широкого потребления, посредством чего государство смогло воздействовать на уровень рыночных цен. В ходе войны коммерческие цены постепенно снижались. Колхозный рынок вынужден был реагировать на это. Государство же за 1944–1945 гг. получило прибыль от «коммерческой» торговли в размере 1,6 млрд. руб. Вся она была зачислена на текущий счет Советских Вооруженных Сил.

Известное значение как источник дополнительных доходов имели средства, полученные от повышения прейскурантных расценок на товары, не относящиеся к продуктам первой необ-

ходимости. Наиболее значительный их рост произошел в апреле 1942 г. На водку, вино, пиво, табачные изделия I сорта, хозяйственное мыло, парфюмерию цены поднялись на 100 %, на табак II и III сортов, махорку – на 150 %, на посуду, иглы, косы, меховые игрушки – на 200 %, на соль – на 300 %⁴⁰. Цены на товары, распределяемые среди рабочих и служащих по карточкам, тоже ползли вверх, но значительно меньшими темпами.

В отечественной исторической литературе долгое время господствовала точка зрения, сформулированная впервые еще Н. А. Вознесенским⁴¹, о том, что розничные цены на основные нормированные товары оставались неизменными в течение всей войны. Однако А. Н. Малафеев, обратившись к архивным данным, сумел рассчитать сводный индекс отпускных цен государственной и кооперативной торговли и выяснил, что к 1945 г. в сравнении с 1940 г. он увеличился, в среднем, в 2,2 раза⁴². Тем не менее, приведенные цифры не опровергают тезис об относительной устойчивости советской валюты даже в обстановке тяжелейших военных испытаний. Поэтому можно уверенно говорить о поддержании жизненного уровня населения на минимально необходимой отметке.

В период войны для мобилизации материальных ресурсов, а также с целью покрытия дефицита госбюджета широко использовались возможности государственной кредитной системы. Выявленные через кредитную инспекцию в различных отраслях народного хозяйства свободные финансовые ресурсы составили 2 млрд. руб. Кроме того, нуждающимся в деньгах предприятиям предлагалось использовать в качестве залога по банковским ссудам свои накопленные ранее товарные запасы. Данная операция облегчала их перераспределение в пользу военного хозяйства и широко применялась в 1941–1942 гг. Но уже со второй половины 1943 г. начался рост кредитных вложений для обеспечения процессов расширенного воспроизводства во всем народнохозяйственном комплексе.

Поскольку за три года войны денежная масса, находившаяся в обращении, увеличилась в 2,4 раза возникла необходимость усовершенствования налоговой системы. Начиная с 1943 г. доходы от налога с оборота и платежей из прибыли стали вновь повышаться. Динамика поступлений от первого из названных источников выражается следующими показателями: 1943 г. –

7,1 млрд. руб.; 1944 г. – 9,5 млрд. руб.; 1945 г. – 12,3 млрд. руб.⁴³

Таким образом, в 1944 г. произошло наиболее заметное укрепление госбюджета и финансов СССР. Впервые за время войны расходы государства, несмотря на рост финансирования народного хозяйства и армии, были полностью обеспечены доходами, которые составили 26,8 млрд. руб. против 18 млрд. руб. в 1940 г. Положительное сальдо выразилось в сумме 0,4 млрд. руб. При этом не стоит забывать об увеличении затрат в связи с восстановительными работами на освобожденных от захватчиков территориях. В 1944 г. на эти цели было израсходовано 5,4 млрд. руб. против 3,3 млрд. руб. в 1943 г. Социально-культурные мероприятия обошлись казне соответственно в 5,1 млрд. руб. вместо потраченных годом ранее 3,8 млрд. руб. Параллельно началось снижение удельного веса военных расходов в экономике. Если в 1943 г. они достигали 59,5 %, то в 1944 г. – снизились до 52,2 %, а в 1945 г. приблизились к отметке 42,9 %⁴⁴. Часть высвободившихся материальных ресурсов переключалась на удовлетворение гражданских нужд, финансирование мероприятий, проводимых государством в области просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и подготовки кадров для предприятий и организаций.

За период 1941–1945 гг. свыше 70 % бюджетных средств было получено от народного хозяйства. Финансово-кредитная система СССР не претерпела принципиальных изменений, продемонстрировав, в то же время, высокую степень приспособляемости к обстановке и вызовам тотальной войны. Единственной новацией стало развертывание крупномасштабной работы по мобилизации наличных средств и сбережений населения. При этом широкое применение денежных рычагов и мотиваций активной деятельности производственных структур сочеталось с жестким централизованным распределением и контролем использования ресурсов, мобилизованных из различных источников. В результате была не только обеспечена финансовая составляющая победы над гитлеровской Германией и ее сателлитами, но и созданы соответствующие предпосылки для превращения страны в сверхдержаву.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По свидетельству С. Ольденбурга за декабрь 1914 г. и две недели января 1915 г. в сберкассы поступило 44,4 млн. руб. против 1 млн. руб. за аналогичный период годом ранее. См.: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. – Мюнхен, 1949. – С. 156.

² По вопросу о внутреннем облигационном займе в правительственных кругах существовали разногласия. Бывший министр финансов и премьер В. Н. Коковцов советовал поднять объем заимствований до 2,5 млрд. руб., в то время как многие члены Комитета финансов – высшего государственного учреждения по делам государственного кредита и финансовой политики – уповали на бумажно-денежную эмиссию и финансовую помощь союзников. См.: Страхов В. В. Внутренние займы в России в Первую мировую войну // Вопросы истории. – 2003. – №9. – С.29.

³ Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы Первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.: сб. материалов Всерос. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 13, 14.

⁴ За время войны в Англию переправили около 700 млн. золотых рублей, в Америку – 1800 млн. Любопытно, что когда летом 1916 г. думская делегация в Лондоне обсуждала перспективу выпуска в Америке русского облигационного займа для упрощения расчетов по военным поставкам, банкир Яков Шифф заявил о своей готовности гарантировать его размещение, но выдвинул встречное требование о введении равноправия российских евреев. Как известно, Николай II с этим не согласился, и дополнительных источников финансирования за границей найти не удалось. На несколько миллионов руб. царские облигации были проданы в Греции и на 1,1 млн. руб. в Китае. Совсем незначительные суммы поступили из Персии, Швеции, некоторых других стран. Пришлось оформлять весьма дорогостоящие кредиты в Американском банке JP Morgan&Co, который, благодаря «содействию» английского военного министерства, стал фактически монопольным кредитором Российского правительства.

⁵ Для сравнения: в мирное время предложения предпринимателей о сотрудничестве с оборонным ведомством рассматривались только после внесения ими крупного денежного залога. Прим. автора.

⁶ Суждение резкое, но обоснованное, ибо с декабря 1914 по март 1915 гг. в армию было отправлено около 2 млн. снарядов, или ме-

нее одной трети от необходимого. Это составляло, в среднем, около двух выстрелов в день на орудие. Выполнение союзниками заключенных договоров в 1915 г. колебалось в районе 6–7 %. Одна из причин – в мошеннических схемах, позволявших международным махинаторам красть деньги. Достаточно вспомнить историю с В. Д. Думбадзе, арестованным впоследствии за шпионаж, который при заключении сделки с Канадским поставочным комитетом на сумму 31,4 млн. долл. присвоил 1,4 млн. долл. См: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1973. – С. 29, 42, 43, 261.

⁷ Сидоров А. Л. Указ. соч. – С. 120, 130.

⁸ Сидоров А. Л. Указ. соч. – С. 222, 231, 245.

⁹ Ольденбург С. Указ. соч. – С. 181, 201.

¹⁰ Каценельбаум П. Денежное обращение в России в 1914–1924 гг. – М. ; Л. 1924. – С.72; Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. – М., 1923. – С. 17.

¹¹ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М. : Госполитиздат, 1957. – С.254.

¹² Маевский И. В. Указ. соч. – С.261.

¹³ Оль П. В. Иностраннные капиталы в России // Труды Петроградского института экономических исследований. – 1922. – № 3. – С. 8, 9.

¹⁴ Маевский И. В. Указ. соч. – С. 273, 274.

¹⁵ Маевский И. В. Указ. соч. – С. 298.

¹⁶ Для сравнения: английские акционерные общества отдали государству в 1915 г. – половину своих прибылей, а в 1917 г. по прогрессивно возросшим ставкам – 70 %. См.: Маевский И. В. Указ. соч. – С. 304.

¹⁷ Кравцова Е. С. Налоговые преобразования российского правительства в период Первой мировой войны // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.: сб. материалов Всерос. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 90, 93.

¹⁸ Маевский И. В. Указ. соч. – С. 365, 366.

¹⁹ Кравцова Е. С. Указ. соч. – С. 94.

²⁰ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. – М. : Политиздат, 1956. – С. 114.

²¹ Лященко П. И. Указ. соч. – С. 115.

²² Страхов В. В. И. С.Блиох и А. А.Гулевич о финансово-экономи-

- ческих проблемах участия России в «большой» войне // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.: сб. материалов Всерос. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 115, 118.
- ²³ Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. 1930–1985 гг. – Екатеринбург, 1991. – С. 93.
- ²⁴ Ивлев Н. Н. Изменения в системе государственных доходов в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Челябинской области) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2012. – С. 156.
- ²⁵ Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. – М., 1955. – С. 298.
- ²⁶ Тамарченко М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. – М., 1967. – С. 64.
- ²⁷ Ивлев Н. Н. Указ. соч. – С. 153, 154; Пасс А. А. «Другая экономика». Производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. – Челябинск, 2002. – С. 162.
- ²⁸ Тамарченко М. Л. Указ. соч. – С. 66.
- ²⁹ Денисевич М. Н. Указ. соч. – С. 86.
- ³⁰ Пасс А. А. Указ. соч. С. 160.
- ³¹ Сборник указов, распоряжений постановлений 1941-1945 гг. Челябинск, 1945. С.504.
- ³² Ивлев Н.Н. Указ. соч. – С.158.
- ³³ Подробнее см.: Сироткин В. Г., Алексеев Д. С. СССР и создание Бреттон-Вудской системы 1941–1945 гг.: политика и дипломатия. – URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9877/06.pdf>
- ³⁴ Еврейский антифашистский комитет (ЕАК): страницы истории. – URL: <http://www.languages-study.com/yiddish/eak.html>
- ³⁵ Ивлев Н. Н. Финансовые органы Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2009. – С. 76.
- ³⁶ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Статистический сборник. – URL: <http://istmat.info/node/375>
- ³⁷ Ивлев Н. Н. Указ. соч. – С.77.
- ³⁸ Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. – М. : Мысль, 1985. – С. 136.
- ³⁹ Чадаев Я. Е. Указ. соч. – С. 137.

⁴⁰ Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 2007. – С. 33, 34.

⁴¹ См.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1948. – С. 132–130.

⁴² Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР 1917–1963 гг. – М., 1963. – С. 228, 229.

⁴³ Чадаев Я. Е. Указ. соч. – С. 140.

⁴⁴ История социалистической экономики СССР. – Т.5. – М., 1978. – С. 491, 492.

Глава 3.

Мобилизация трудовых ресурсов в России в первой половине XX века

Первая мировая война не только поставила на повестку дня вопрос о подчинении военным задачам всего народно-хозяйственного комплекса России, но и означила смену экономических приоритетов: возросла роль государства в хозяйственной жизни, усилилось регулирование военного производства и связанных с ними отраслей, были созданы специальные органы, осуществлявшие подобное регулирование. В экономике России стало создаваться то, что можно назвать «мобилизационной моделью».

Реализация её принципов отразилась и на решении вопроса с тыловыми ресурсами¹. С началом войны Россия стала испытывать дефицит рабочих рук. Уже к концу 1914 г. на военную службу было призвано 6,5 млн. человек; через 2 года число мобилизованных достигло 16 млн. Из деревни было изъято свыше половины мужского трудоспособного населения. Нарастающая угроза голода приводила к усилению оттока городского населения. Все это происходило на фоне постоянно возрастающей потребности военного производства в рабочей силе. К 1917 г. на нужды фронта работало (производило вооружения) 86 % рабочих промышленности.

Ситуация с нехваткой рабочей силы была характерна как для всех регионов страны, так и для всех отраслей. Так на каменноугольных шахтах Донбасса к июню 1915 г. произошло резкое сокращение рабочей силы: на железных рудниках криворожского бассейна недоставало 20 % рабочих; на Урале на заготовках древесного топлива, выжиге угля и перевозке горючего недокомплект рабочей силы составлял 30 % и т. д.²

В этих условиях меняются принципы трудоустройства – был обозначен отход от реализации принципа свободного найма и переход к использованию мер внеэкономического принуждения. Прежде всего, в первые месяцы войны на государственных предприятиях был введен особый трудовой режим,

в соответствии с которым рабочие не могли без разрешения администрации перейти с одного предприятия на другое. Они не имели права бастовать и требовать увеличения заработной платы. В июле 1915 г. Министерство внутренних дел предписало усилить политический надзор за военнообязанными рабочими, получившими отсрочку от армии. В случае их участия в стачках и неявки на работу они должны были отправляться в действующую армию³. Осенью 1915 г. Особое совещание по обороне приняло решение о принудительном порядке привлечения местного трудоспособного населения для работы на военных заводах. В 1911 г. широко использовалось закрепление рабочих за конкретными предприятиями. Все эти меры современники квалифицировали как возвращение к крепостничеству⁴.

Изменение принципов трудоустройства в годы первой мировой войны оказало влияние на источники пополнения рабочей силы. Вмешательство государства в решение этой проблемы нашло отражение в изменении качественного состава рабочего класса. В мае 1915 г. был отменен запрет на подземные и ночные работы для женщин и подростков, не достигших 15-летнего возраста. Осенью 1915 г. было решено использовать их труд на всех предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, работающих на оборону (в т. ч. во вредных производствах)⁵. В целом, законодательство этого времени реально отражало использование экстенсивных методов при решении проблемы нехватки трудовых ресурсов. По данным российских исследователей в 1917 г. процент женщин, занятых в промышленности составлял 43,6 % к общему числу рабочих, подростков от 8 до 9 %, малолетних детей от 1,8 до 2 %⁶.

Другим источником были беженцы, которых в 1915 г. насчитывалось 2,6 млн. чел., в 1916 – 3,3 млн. чел. Но большинство из них происходили из крестьян, торговцев, ремесленников и лиц свободных профессий. Их квалификация не соответствовала предъявляемым требованиям. Причем, и сами беженцы не стремились на производство. В письме на имя председателя Особого совещания по обороне летом 1915 г. отмечалось, что «... попытки привлечения в промышленные предприятия рабочих-беженцев, пока не увенчались успехом, т. к. этот элемент при первой возможности уезжал обратно, причем незнание беженцами языка, непригодность их

к местным условиям служат серьезным препятствием к массовому найму таких рабочих»⁷.

Надо отметить, что по отношению к данной категории потенциальной рабочей силы государство не пошло на использование принципа принуждения к труду. Наоборот, в России на них была организована своеобразная «охота» со стороны предприятий, общественных организаций по трудоустройству. В ряде регионов действовали бюро труда для беженцев, которые конкурировали между собой в этом вопросе. В отношении этой категории продолжал соблюдаться принцип свободного найма. Хотя за отказ от предложения работы некоторые категории беженцев лишались жилья, бесплатной еды и другой материальной помощи. Но все эти методы в условиях мобилизационной экономики оказались неэффективными. В промышленность удалось трудоустроить не более 300 тыс. человек. Аналогичная ситуация сложилась и с привлечением иностранной рабочей силы – в основном корейцев и китайцев (на предприятиях Урала, юге России и в Петрограде). Вопрос об их использовании специально рассматривался на заседании российского правительства, однако никаких конкретных решений не было принято. Массового вовлечения иностранцев в российскую экономику не произошло.

Нехватка рабочей силы поставила на повестку дня вопрос об использовании труда военнопленных. Первоначально они использовались в сельском хозяйстве, но с лета-осени 1916 г. значительная их часть была переброшена для работы в промышленность. На 1 октября 1916 г. их насчитывалось в этом секторе экономики 220 тыс. человек⁸. Начало этому процессу положил Рескрипт от 2 сентября 1914 г., где говорилось о «...желательности принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы...». Осенью 1914 г. царским правительством были утверждены «Правила о порядке представления военнопленных для использования казенных и общественных работ в распоряжении заинтересованных ведомств» и «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами»⁹. По мнению российских исследователей, это был первый опыт создания в структурах российской экономики внушительного по своим размерам сектора принудительного труда¹⁰. За отказ

от работы, невыполнения норм выработки и другие провинности военнопленные могли подвергнуться таким наказаниям как арест, тюремные наказания, направление в штрафные команды, снижение норм питания, оплаты труда. Работать они должны были под охраной¹¹.

Опыт использования труда военнопленных, как свидетельствуют архивные и опубликованные материалы, разочаровывал российских хозяйственников. Практика свидетельствовала о том, что их производительность была значительно ниже, чем у местного населения. Тем не менее, отказываться от дешевого труда никто не собирался, поскольку хозяйственники видели в переходе от эпизодического к массовому использованию принудительного труда данной категории решение кадровой проблемы, которая продолжала обостряться. Более того, среди российских промышленников стали раздаваться требования о необходимости введения всеобщего принудительного труда для военнопленных и прекращения выдачи им пищи в случае их отказа от выполнения работ¹².

Апробированные в годы первой мировой войны методы внеэкономического принуждения к труду получили свое развитие после Октября 1917 г., когда к власти в стране пришли большевики. Их использование, в отличие от военного периода 1914–1917 гг., сопровождалось полным отказом от рынка труда как регулятора рабочей силы и стало всеобъемлющим. Их использование в значительной степени было предопределено экономической природой социализма, суть которой состояла в отрицании частной собственности, наличии уравнительного распределения и ведения планового социалистического хозяйства.

Уже в первые дни нахождения у власти большевики заявили о введении всеобщей трудовой повинности. Это означало ликвидацию свободного рынка рабочей силы в перспективе, поскольку его существование в условиях регулируемой государством экономики, где нет места свободному товарному рынку, было бессмысленно. Социализм, в отличие от капитализма, ведет хозяйство по единому плану: здесь нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, т. к. в нем все работают и получают полный продукт своего труда. Труд и только труд обладает ценностнообразующей силой. Но с переходом производства в руки общества в сознании рабочего ещё не дости-

галось отождествление его личных интересов с интересами общества. Следствием этого могло быть нарушение трудовой дисциплины и дестабилизация труда в целом, что и получилось на практике. В мае 1918 г. советское правительство, по свидетельствам очевидцев, столкнулось с саботажем «национальным, народным, пролетарским»¹³. В этой ситуации введение всеобщей трудовой повинности должно было стать панацеей от всех бед.

В декабре 1917 г. принудительно к труду первыми были привлечены имущие классы. Второй шаг в деле развития идеи всеобщей трудовой повинности был сделан уже в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, где был принят документ – «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Мотивировка введения всеобщей трудовой повинности была расширена: она вводилась не только для уничтожения паразитических слоев общества, но и для организации хозяйства. Тем самым официально признавалась возможность распространения принципа принуждения к труду на другие социальные группы населения.

Летом 1918 г. советским правительством был завершен переход от официального признания возможности распространения всеобщей трудовой повинности на все слои населения к её осуществлению на практике. Специальным пунктом в Конституции РСФСР 1918 г. было провозглашено о том, что труд является обязанностью всех граждан Республики: «Не трудящийся да не ест»¹⁴. Из экстренной меры всеобщая трудовая повинность превращалась в систему.

На наш взгляд, это не было явлением, обусловленным только гражданской войной и разрухой. После разрушения рыночных механизмов рабочая сила могла быть приведена в действие только через систему трудовой повинности. Подтверждением сказанного могут служить дальнейшие шаги советского правительства в деле формирования новых трудовых отношений. Прежде всего, было запрещено безработным отказываться от работы, и вводились трудовые книжки для фиксации использования и передвижения рабочей силы. В декабре 1918 г. был принят «Кодекс законов о труде», в соответствии с которым в советской России была введена трудовая повинность для всех трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 50 лет. Принятие

кодекса означало, что в качестве основных трудовых способов воздействия на мотивацию труда стали применяться принудительные меры¹⁵. Предпринятые шаги свидетельствовали о том, что идея государственного регулирования в сфере трудовых отношений была доведена до своего логического абсолюта и являлась на практике отражением доктрины большевизма, нацеленной на создание «государства-фабрики».

Формирование новых трудовых отношений проходило одновременно с созданием пенитенциарной системы. Речь о концентрационных лагерях впервые зашла весной 1918 г. 5 сентября 1918 был принят декрет СНК «О красном терроре», в котором было законодательно закреплено появление новых карательных учреждений, предназначенных для изоляции классовых врагов. Вскоре советское руководство обратило внимание на то, что труд арестованных недостаточно используется на общественных работах и предложило «... оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения...». В апреле 1919 г. было принято Постановление Президиума ВЦИК о лагерях принудительных работ, где было объявлено о немедленном привлечении заключенных к работам.

Реализация на практике концепции превращения концентрационных лагерей в накопители рабочей силы завершала формирование системы новых трудовых отношений на основе всеобщей трудовой повинности. Свободное население и заключённые должны были работать там и тогда, где и когда это нужно было государству. Отличие в использовании их труда состояло в том, что заключённые направлялись на работу в первую очередь и под конвоем. Однако для свободного населения всегда была угроза перехода в состояние несвободы. «Если мы возьмём советские учреждения, отмечали большевики, то здесь должна быть применена мера такого наказания (заключение в концентрационные лагеря – авт.) за недобросовестное отношение к делу, нерадение, за опоздание и т.д. Этой мерой мы можем подтянуть даже наших собственных работников». Регулирование этого процесса, в значительной степени, было передано в руки Наркомата внутренних дел¹⁶.

Создание системы всеобщей трудовой повинности проходило в условиях гражданской войны, что позволило придать ей военизированный характер, связанный с процессом милитаризации труда. В борьбе против контрреволюции, белогвардейцев и интервентов удалось организовать огромные массы людей, объединив их идеей борьбы за светлое будущее. Чтобы оно наступило, нужно было не только защищать его с винтовкой, но и восстанавливать разрушенное войной. Используя ситуацию, советское правительство, направляет эту военную силу на восстановление народного хозяйства. Но большевики не были бы большевиками, если бы решали этим шагом только текущие задачи. По их мнению, переброска огромной организованной массы людей на трудовой фронт имела не только хозяйственное, но и социалистическо-воспитательное значение. В 1920 г. эта идея получила свое логическое завершение: были созданы трудовые армии или как их официально именовали – революционные армии труда. В период с января 1920 по январь 1921 гг. были созданы Первая Революционная Армия труда, Укрсовтрударм, Кавказская, Петроградская, Донецкая, Сибирская, Вторая революционная, Вторая железнодорожная армии труда. Сформированные трудовые армии выполняли как хозяйственные задачи (заготовка топлива, строительные, сельскохозяйственные, погрузочно-разгрузочные и другие работы), так и выступали в качестве орудия принуждения (мобилизация дополнительной рабочей силы, установление трудовой дисциплины). Во всех вопросах касающихся внутренней организации, жизнь армий труда регламентировалась воинскими уставами.

Формирование и развитие трудовых отношений мобилизационного по своей сути характера сопровождалось использованием революционной фразеологии, конечной целью которой было осознанием населения того, что лозунг «смерть или победа» должен стать главным лозунгом на хозяйственном фронте. Была поставлена задача, которая планомерно реализовывалась: соединить идею государственного принуждения с революционным энтузиазмом народных масс. Весной 1918 г. большевики призвали «...соединять вместе бурный ... митинговый демократизм трудящихся с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного

лица, советского руководителя, во время труда»¹⁷. Вершиной данного симбиоза стала пропаганда и проведение коммунистических субботников.

Таким образом, большевикам за короткий период удалось сделать то, что не смогли сделать ни царское, ни Временное правительство в годы Первой мировой войны в процессе организации труда. Отказавшись, по идеологическим причинам, от принципа свободного найма, большевики смогли сконцентрировать свои усилия на создании системы всеобщей трудовой повинности. Причем эта задача носила широкомасштабный характер. Без её решения советское государство было бы обречено на гибель. Достижение этой цели предполагалось любой ценой. На её решение была направлена вся государственная власть, которая требовала полного исполнения намеченного. В качестве объединяющей идеи была выдвинута идея победы над эксплуататорами и победы социализма. И эта идея была подхвачена большинством населения России.

К концу 1920 г. Советская Россия переживала острый экономический кризис, который перерос в политический. X съезд РКП/б/, проходивший в марте 1921 г., объявил о переходе к новой экономической политике. Основные её тенденции в отношении организации труда сводились к переходу от снабжения народного хозяйства рабочей силой в порядке всеобщей трудовой повинности к свободному найму, развитию системы коллективных договоров. Законодательно это было закреплено в Кодексе законов о труде РСФСР 1922 г. Означало ли это, что советское правительство отказалось от мобилизационности в процессе организации труда?

Ответ на этот вопрос лежит в практической деятельности государственных структур. Прежде всего, советская власть оставила за собой право применять трудовую повинность при построении социализма, что было законодательно закреплено в Кодексе законов о труде РСФСР 1922 г. (ст. 11). За отказ от выполнения трудовых повинностей предусматривались административные и уголовные наказания (ст. 78, 79, 80)¹⁸. Наличие в Кодексе этих статей означало только одно: государство оставляло за собой право в случае необходимости заменить принцип свободного найма рабочей силы всеобщей трудовой повинностью. Власть даже в условиях либерализации эконо-

мики не собиралась выпускать из своих рук контроль над рабочей силой.

Наглядно это нашло отражение в том, как советское государство решало судьбу бывших трудармейцев. На момент роспуска трудовых частей их насчитывалось не менее 75 тыс. человек. Постановлением от 30 декабря 1921 г. предписывалось часть личного состава трудовых частей передать в Красную армию, остальных оставить в распоряжении Наркомтруда. Военное ведомство вследствие продовольственного кризиса было не в состоянии принять всех трудармейцев в Красную армию, а по политическим причинам не могло уволить в бессрочный отпуск в виду нахождения их сверстников на действительной службе. Кроме того, снятие трудовых частей с работ повлекло бы за собой значительные издержки на хозяйственном фронте. С целью выхода из сложившейся ситуации для организации находящихся в ведении Наркома труда военнообязанных, было создано Всероссийское объединение государственных рабочих артелей (ВОГРА). Следует отметить, что это была одна из первых попыток создания государственной организации (причем на базе бывших трудовых частей), которая была призвана собрать, организовать и планомерно распределить по тем или иным участкам социалистического строительства рабочую силу. Цель и задачи ВОГРА можно определить как государственное контрагентство по удовлетворению основных отраслей народного хозяйства, организованной в артельные объединения массовой /валовой/ рабочей силой. В документах правления ВОГРА всячески подчёркивалось, что контрагентство несёт на себе печать государственности, т. к. оно имеет своей конечной целью не наживу, не прибыль, а наилучшую организацию применения массовой рабочей силы. ВСНХ республики настоятельно рекомендовал всем хозяйственным органам обращаться к услугам ВОГРА и отдавать ему предпочтение перед частными предпринимателями в деле производства работ. В конце 1922 г. правопреемником ВОГРА стало Российское акционерное общество строительных, транспортно-грузовых и заготовительных работ. Но оно просуществовало не долго. Государство не могло допустить, чтобы процесс акционирования оказался вне контроля. Весной 1923 г. начался процесс реорганизации общества в государственное стро-

ительное акционерное общество «Стандарт», акционерами которого стали исключительно государственные организации: Наркомат труда, Наркомат путей сообщения, Центральное управление социального страхования. Летом 1924 г. процесс реорганизации был завершён. Все частные акционеры в один день вышли из состава общества. В соответствии с уставом общества владельцы акций не имели никаких прав на прибыль. Рабочие государственных рабочих артелей стали рабочими государственного акционерного общества¹⁹.

Не собиралось государство и терять контроль над рынком свободной рабочей силы. Оно запрещает создание частных бирж труда, создав при этом биржи труда подотчетные государственным структурам. Все безработные должны были регистрироваться именно в этих органах. Это означало, что все операции по найму должны были сосредотачиваться в одном месте, и работа должна была распределяться в соответствии с принципом «наибольшей нуждаемости». Государство периодически меняет принципы регистрации безработных, проводит административные чистки зарегистрированных на бирже. Порядок работы бирж все более переставал соответствовать механизму «естественного» отбора рабочей силы. В конечном итоге, в середине 1920-х гг. биржи труда как обязательные органы регулирования рабочей силы были ликвидированы. Их функции во II половине 1920-х гг. должны были осуществлять Посреднические бюро по найму при биржах труда, которые, по мнению специалистов, в будущем должны были их заменить²⁰.

Но в этот период нужны были уже органы, которые «...обязаны будут давать необходимую рабочую силу, а не удовлетворять спрос на труд в зависимости от наличия рабочей силы и умения посредников привлечь её в производство»²¹. Начинаясь индустриализация. Переход к планово-социалистической экономике и директивной системе руководства, актуальные задачи хозяйственного строительства поставили на повестку дня вопрос рационального использования рабочей силы. С целью упорядочения её набора ЦИК и СНК СССР 4 марта 1927 г. принимает решение о проведении оргнабора государственными органами. В то же время было запрещено привлекать рабочую силу через частных посредников или лиц, не получивших полномочия наркомата труда. Начавшаяся индустриализация

требовала все большего количества рабочей силы, в то время как в регионах ощущался её дефицит. В этих условиях государство прибегает к использованию методов мобилизационного характера – использованию трудовой повинности и принудительного труда. На рубеже 1920–30-х г. появился целый ряд законодательных актов, расширявших сферу использования труда граждан СССР, привлеченных в порядке трудовой повинности. В 1929 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было разрешено ЦИК автономных республик, край – и обласполкомам в необходимых случаях проводить в хлебозаготовительных районах платную гужевую повинность для подвозки хлеба к станциям железной дороги. Постановлением ВЦИК и СНК от 1 апреля 1929 г. устанавливалось, что содержание, ремонт и восстановление дорог местного значения (помимо ассигнований из местного бюджета и дорожного фонда) должно производиться путем привлечения населения к трудовому участию в их содержании и т. д.

Используя трудовую повинность как разновидность принудительного труда, советское государство в конце 1920–30-е гг. выделило отдельные категории населения СССР, для которых принудительный труд становится основным. Это коснулось тех слоев населения, в которых советское государство видело врагов строительства социализма. От их социальной опасности зависела степень принудительности в деле организации труда. Наиболее «социально – опасные» категории оказывались в лагерях, колониях и тюрьмах. Труд заключенных был включен в государственный план с ежегодным увеличением хозяйственных показателей. Возникла спецотрасль народного хозяйства – лагерный сектор социалистической экономики, включавший в себя многие виды экономической деятельности – ГУЛАГ.

Другие (осужденные лица без лишения свободы) через Бюро исправительных работ привлекались к принудительным работам в сельской местности, на дорожных, мелиоративных работах, на заготовке топлива для соцучреждений. Непригодные к физическому труду направлялись в госучреждения, где работали бесплатно. Численность заключенных ГУЛАГа на 1 января 1941 г. составляла 1979729 человек. На учете Бюро исправительных работ состояло 1264000 осужденных лиц без лишения свободы, приговоренных к принудительным работам²².

С началом сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса появился новый источник рабочей силы – спецпереселенцы. Для их содержания создавались специальные поселения. В отчетах ОГПУ указывалось на то, что целью их создания является перевоспитание и превращение их контингента в один из источников рабочей силы для промышленности. В отличие от осужденных, спецпереселенцы в отношении условий и оплаты труда, формально имели равные права с вольнонаемными. Вместе с тем, они не имели возможность сменить место жительства и работы, а также обязаны были возвратить ссуды, затраченные на первоначальное обустройство, и отчислять 5 % от заработной платы на содержание органов надзора и спецкомендатур. За невыполнение работ и нарушение режима спецпереселенцев направляли в штрафные команды, а тех, кто продолжал упрямиться направляли в концлагерь. Штрафникам зарплаты не полагалось, им предоставлялось питание из общего котла. С учетом вышеизложенного, можно говорить о том, что при организации их труда был использован опыт трудармий периода гражданской войны. Становится вполне понятным, почему с 1934 г. спецпереселенцы стали официально именоваться трудпоселенцами. Это обозначение более соответствовало их прямому назначению. Возродив принудительный труд, советское государство активно реализовывало один из принципов мобилизационной модели экономики – принцип достижения цели любой ценой.

Но цель (социалистическая индустриализация) была слишком велика и требовала для её достижения привлечения всего населения. 1929 г. вошел в советскую историю как год «великого перелома». В области использования рабочей силы это означало изменение отношения советского государства к процессу организации труда. Принимается целый ряд постановлений, направленных на укрепление трудовой дисциплины, повышение прав администрации предприятий в регулировании трудовых отношений, укреплении единоначалия на производстве, ликвидации текучести кадров. Начинается активное вмешательство государственных, партийных и хозяйственных органов в процесс развития трудовых отношений. С ноября 1932 г. были введены наказания за прогул на производстве: увольнение, лишение продовольственных карточек, выселение

с занимаемой жилплощади. 27 декабря 1932 г. в стране была введена паспортная система, в целях, как отмечалось в документах, очистки населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов. На самом деле она стала формой принудительного регулирования рабочей силы. Люди, не получившие паспортов (сельским жителям их не выдавали), не могли устроиться на работу (сельские жители в итоге пожизненно прикреплялись к колхозу). Часто жители городов не могли получить прописки, не устроившись на работу. Была установлена, таким образом, негласная принудительная связь между местом работы и местом жительства.

Укреплялась дисциплина на производстве. Дезертиры трудового фронта лишались возможности получить направление на работу в течение 6 месяцев. Была пересмотрена система заработной платы. Зарплата ставилась в зависимость от производственного стажа, процента выполнения плана, кроме того, были введены тарифы и нормы оплаты труда. В 1934 г. было прекращено заключение коллективных договоров между рабочим коллективом и администрацией. Начиная с 1932 г. эта форма взаимоотношений между сторонами перестала носить характер социального партнерства и стала представлять собой особый вид организации социально-трудовых отношений с элементами государственного патернализма и административного нажима. Такие договоры теряли всякий смысл. С их ликвидацией государство стало полностью контролировать процесс труда. В этих условиях стало возможным использовать опыт периода «военного коммунизма».

С 15 января 1939 г. в целях упорядочения учёта рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях были возрождены трудовые книжки²³. Точку в цепи мероприятий по «огосударствлению» труда поставила серия указов 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семичасовую рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода служащих с предприятий и учреждений» (июнь, 1940 г.); «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие» (октябрь 1940 г.); «О государственных трудовых резервах СССР» (октябрь, 1940 г.)). Этими указами была увеличена продолжительность рабочего дня до 8 часов, запрещён

самовольный уход с работы и переход с одного предприятия или учреждения в другое; органы власти получили право перевода в обязательном порядке рабочих и служащих на другую работу по своему усмотрению, независимо от территориального расположения предприятий и учреждений, а также проведения мобилизации молодежи с целью её обучения рабочим специальностям. В итоге рабочие и служащие оказались окончательно прикрепленными к месту работы и полностью зависимыми от государства. Именно в «огосударствлении» труда обвиняли И. В. Сталина противники установившегося режима. Один из них, Ф. Раскольников писал, что вождь советского государства отменил свободу труда, закабалил советских рабочих и прикрепил их к фабрикам и заводам²⁴.

В 30-е гг. была полностью реализована идея, высказанная лидерами профсоюзов на Пленуме ЦК ВЦСПС в январе 1919 г.: «Даже в мирное время не будет ничего удивительного в том, если будет применяться принудительное распределение рабочей силы в интересах общества в целом... Нужно пускать те заводы в ход, которые необходимы. Не стоит для этого останавливаться перед тем, что тысячи рабочих привыкли жить в Сестрорецком районе, не хотят переезжать в Харьковский»²⁵. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась система трудовых отношений, в основе которой лежал «огосударствленный» труд свободных граждан СССР и принудительный труд «социально-опасных» элементов.

Система была в короткие сроки адаптирована к условиям военного времени. С начала Великой Отечественной войны трудовая повинность стала широко использоваться для проведения оборонных работ, охраны путей сообщения и других важнейших объектов. С конца 1941 г. советское руководство переходит к планомерному, поэтапному осуществлению мобилизации гражданского населения. Первыми были мобилизованы рабочие и служащие предприятий военной промышленности. 26 декабря 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», в соответствии с которым все рабочие и служащие предприятий военной промышленности были мобилизованы для постоянной работы на производстве. В фев-

рале 1942 г. мобилизации было подвергнуто трудоспособное городское население – мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины – от 16 до 45 лет (Постановление Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г.). В первую очередь мобилизованные направлялись на работу в авиационную и танковую промышленность, наркомат вооружения и боеприпасов, в металлургическую, химическую и топливную отрасли.

В апреле 1942 г. численность гражданского населения, попадавшего под категорию «мобилизованные» была значительно расширена. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы, в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» разрешалось привлекать в порядке мобилизации для работы на селе трудоспособное население городов и сельских местностей, не работавшие на предприятиях промышленности и транспорта. Были расширены и возрастные границы лиц, подвергавшихся мобилизации: мужчины – от 14 до 55 лет, женщины – от 14 до 50 лет. Переход к милитаризации труда посредством мобилизации гражданского населения потребовал законодательного обобщения накопленного в предшествующее время опыта в области трудовой политики. 10 августа 1942 г. было принято постановление СНК СССР «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время», в котором были суммированы основные принципы привлечения граждан к труду.

Начиная со второй половины 1942 г. советское руководство предприняло ряд мер, направленных на вовлечение в производство гражданского населения, ранее не попавшего под категорию мобилизованные. 28 августа 1942 г. народные комиссары социального обеспечения союзных республик были обязаны в 3-х месячный срок направить неработающих инвалидов III группы (мужчин в возрасте до 55 и женщин в возрасте до 45 лет) на работу по месту жительства в предприятия и учреждения с учётом соответствующих заключений ВТЭК. Отказавшимся от работы инвалидам с 1 декабря 1942 года прекращалась выплата пенсий.

Введение системы всеобщей трудовой повинности сопровождалось, как и в годы гражданской войны, введением уголовной ответственности. Нарушившие трудовой режим приговаривались к лишению свободы, или к принудительным работам, отбываемым на своем рабочем месте. Данные преступления попадали под юрисдикцию как гражданских, так и военных судов²⁶.

В условиях военной мобилизации трудовых ресурсов, когда всё «благонадежное» население страны работало на оборону страны, советское правительство не оставило без внимания и политически неустойчивых граждан. Но дать им возможность работать вместе с остальными было бы опасно. Где найти для каждого надсмотрщика? Здесь и пригодился опыт трудовых армий периода гражданской войны, а затем и трудчастей, где основными формами стали трудовые, военные и рабочие части в виде рабочих батальонов, отдельных рабочих рот и колонн, строительных отрядов, а их состав комплектовался как за счет граждан, ограниченных в правах, так и за счет полноправных граждан СССР. Анализ документов позволяет выделить эту категорию в особую социальную группу. Её объединял особый социальный статус, определивший отношение с властными структурами и местными жителями, условия быта, режим содержания и источники снабжения, формы организации труда. Начало привлечения к труду этой социальной группы было положено распоряжением № 322 Государственного комитета обороны (ГКО) от 29 июня 1941 г., в котором было объявлено о создании отдельных строительных батальонов. Их формирование возлагалось на наркомат обороны (НКО). 11 сентября 1941 г. ГКО принял постановление за № 660, по которому строительные батальоны были реорганизованы в рабочие отряды и колонны. Одновременно с НКО организацией строительных батальонов с начала войны занимался НКВД. В соответствии с приказом НКВД СССР от 26 сентября 1941 г. они были переформированы в рабочие колонны и сняты с интендантского снабжения. В ноябре 1941 г. в письме начальникам лагерей последовало уточнение статуса стройбатов и стройбатовцев: «... Стройбаты работают как трудовые колонны. Мобилизованные в эти колонны являются военнообязанными и уйти из колонн самовольно не могут...». Весной 1942 г. ГКО СССР приоста-

новил формирование рабочих колонн через НКО. НКВД, в свою очередь, получил право формировать рабочие колонны из отдельных категорий советских граждан. Вместе с тем, необходимо отметить, что НКО не оказался полностью отстраненным от мобилизации гражданского населения в рабочие колонны. Дело в том, что мобилизация военнообязанных на трудовой фронт продолжала осуществляться через военкоматы, а в формировании «рабочих колонн» принимало участие НКВД. 14 октября 1942 г. было принято постановление ГКО СССР, в соответствии с которым начиналась мобилизация в рабочие колонны НКВД советских немцев и советских граждан других национальностей, воюющих с СССР стран. С 14 октября 1942 г. приступили к мобилизации гражданского населения в Средне-Азиатском военном округе (САВО). Оно было включено в состав «рабочих колонн». К ним была приписана и часть спецпоселенцев²⁷. В целом, можно говорить о том, что в годы Великой Отечественной войны мобилизация трудовых ресурсов осуществлялась с учетом того опыта, который был накоплен в довоенный период советской истории и сам по себе носил мобилизационный характер.

Окончание войны ознаменовало собой прекращение действия трудового законодательства военного времени, но не означало отказ советского государства от мобилизационных методов организации труда. Только в 1956 г. прекратил своё действие Указ о судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий, за прогул без уважительной причины, судебная ответственность была заменена мерами «дисциплинарного и общественного воздействия»²⁸.

В послевоенный период командно-административная система продолжала широко использовать методы характерные не только для системы «государственного труда», но и для организации принудительного труда через ГУЛАГ. Его контингент в послевоенное время пополнился новыми категориями – бывшими советскими военнопленными; теми, кто был осужден за разглашение государственной тайны, спецпоселенцами, отбывавшими наказание и др. В 1947 г. был принят указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества», который значительно пополнил армию заключенных. В 1950 г. осужденные по этому указу составляли 25,3 %

от их общей численности. Как отмечают российские историки «... целые дивизии сельских и городских жителей были отправлены возделывать острова ГУЛАГа вместо вымерших там туземцев»²⁹. Подневольный труд узников использовался в промышленности, строительстве, особых конструкторских бюро («шарашках»), сельском хозяйстве. И только его «экономическая» неэффективность заставила поставить вопрос летом 1953 г. о ликвидации системы. Это было началом конца ГУЛАГа, который просуществовал ещё почти 7 лет.

Суммируя вышеизложенное, можно говорить о том, что становление и развитие системы трудовых отношений в I половине XX века носило мобилизационный характер. Если в годы Первой мировой войны использование мобилизационных методов организации труда было вызвано условиями войны, то в советский период не только этой причиной, но и природой политических и социально-экономических изменений. Отказавшись от рынка и рыночных отношений как регулятора производительных сил, большевики оказались обречены на применение принуждения как метода обеспечения народного хозяйства рабочей силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003. – С. 21; Он же. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всерос. науч. конф. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. – Челябинск, 2009. – С. 7.

² Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2009. – С. 20.

³ Кирьянов Ю. И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835–1917 гг. // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. – Вып.4. – М., 2000. – С. 26.

⁴ Речь. – 1915. – № 184.

⁵ Законодательные акты, вызванные войною 1914–1916 гг. – Т. III. Пг, 1915. – С. 143–144; Собрание узаконений. – 1915. – № 311. 31 октября. – Ст. 2312.

⁶ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М., 2003. – С. 254.

⁷ Там же. – С. 252.

⁸ Там же. – С. 253.

⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1915. 29 мая. – № 150. – Ст. 1162.

¹⁰ См.: Ниманов И. Б. Содержание и использование военнопленных в России в годы первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) // История в культуре, культура в истории: материалы V Сафаргалиевских науч. чтений. – Саранск, 2001. – С. 187–199; Суржикова Н. В. Хозяйство под принуждением: организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всерос. науч. конф. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. – Челябинск, 2009. – С. 368–374 и др.

¹¹ См.: Суржикова Н. В. «Лишить», «заставить», «отобрать»: практики принуждения и наказания в пространстве российского плена 1914–1917 годов // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сбор. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012. – С. 603–609.

¹² Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования. – С. 20.

¹³ См.: Платонов О. А. Русский труд. – М., 1991. – С. 213.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. – Т. 38. – С.121; Декреты Советской власти. – Т. I. – С. 322; Акты государственного регулирования – от 1917 до 1939 гг. – М., 1983. – С. 32.

¹⁵ См.: Собрание Узаконений РСФСР, 1918, № 64, ст.704; № 73, ст.792; № 87–88, ст. 905; Декреты советской власти. – Т. III. – С. 168–191.

¹⁶ Декреты Советской власти. – Т. V. – С. 174–181; Т. VII. – С. 174.; Исторический архив. – 1958. – № 1. – С. 10.

¹⁷ Декреты Советской власти. – Т. I. – С. 6; Ленин В. И. ПСС. – Т. 36. – С. 203; Т. 40. – С. 112.

¹⁸ Кодекс законов о труде РСФСР с постатейными разъяснениями (под ред. Даниловой Е. Н., Стопани А. М.). М. ; Л., 1931. – Ст. 11; Хрестоматия по истории отечественного государства и права (последоктябрьский период) / под ред. Чистякова О. И. – М., 1994. – С. 85, 92.

¹⁹ ГАРФ, Ф. Р-486, Оп.1, Д.142, Л.5; Ф. Р-9560, Оп.1, Д.1, Л.6,7,11; Д.2, Л.20, 22, 26; Д.3, Л.1; Д.18, Л.16, 132; Ф.382, Оп.1, Д.76, Л.14; РГАЭ, Ф.514, Д.11, Л.367; Д.15, Л.16, 25, 32об; Д.36, Л.9; 16.

²⁰ Гончаров Г. А. Советская биржа труда // Экономическая история. Обзорение. Вып. 16. – М., 2011. – С. 218–222.

²¹ Исаев А. Наем рабочей силы в условиях советского планируемого хозяйства // Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным. – М., 1928. – С. 79.

²² Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С.75; Он же. ГУЛАГ (историко-социальный аспект) // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 11.

²³ Сталин И. В. Сочинение, Т.13. – С. 41, 50–80; Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 2. – М., 1967. – С. 8–13, 126, 127, 662–664; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т.2. – М., 1957. – С. 18, 120, 126; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Т.5, С. 329–330; 432–437; Хрестоматия по истории России. 1917–1940. – М., 1995. – С. 349, 350; Труд. – 1932. – № 6.

²⁴ Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // История отечества в документах. – Ч. 2. 1921–1939. – М., 1994. – С. 175–176.

²⁵ См.: Борисова Л. В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. С. 41.

²⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 7. – С. 282–284; Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1968). – Т. 3. – С. 36, 64, 40, 68, 87, 104; Трудовое законодательство военного времени. – М., 1943. – С. 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 18, 29–33; Урал XX век. – С. 355.

²⁷ РГАСПИ, Ф. 644, Оп. 1, Д. 6, Л. 140; Д. 12, Д. 161; Д. 25, Л. 12; Оп. 2, Д. 8, Л. 166; Д. 102, Л. 47, 72, 73; ГАРФ, Ф. 9414, Оп. 1с, Д. 1157, Л. 5а, 9, 39; Ф. 9479, Оп. 1с, Д. 110, Л. 51, 53, 188.

²⁸ См.: Платонов О. Русский труд. – М., 1991. – С. 290.

²⁹ Иванова Г. М. ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны // СССР и холодная война. – М., 1995. – С. 218–225.

Глава 4.

Идеологическая компонента общества мобилизационного типа (Россия 1917–1930-е гг.)

Мобилизационная модель развития советского общества основывалась не только на мобилизационной экономике, но и на мощной идеологической составляющей. Некоторые авторы, преимущественно публицисты, даже предлагают применительно к СССР использовать термин «идеократическое государство». Советский Союз возник, по сути, как инструмент для достижения определенной идеологической цели. Реальные политические задачи зачастую приводили к ситуации, когда приходилось идти в разрез с теоретическими построениями. Между тем, ориентация на идеологические конструкции всегда сохранялась.

Идеологическое обоснование мобилизационной модели можно обнаружить уже в «Манифесте коммунистической партии». Говоря о будущей революции и создании общества нового типа, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»¹.

По мнению классиков, меры, которые имеют идеологическую составляющую, обладают приоритетом над экономически целесообразными шагами. При этом они говорят не просто об управлении и контроле, а о деспотическом вмешательстве.

Развитие этой идеи можно обнаружить в политике большевиков после прихода к власти в октябре 1917 года. Говоря о «красногвардейской атаке на капитал», В. И. Ленин отмечал, что «мы не могли бы тогда поставить на первый план методы управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирожденно людям, а дается опытом»². Данные меры были продиктованы не только отсутствием опыта, но в основном, желанием как можно в более сжатые сроки реализовать те идеологические представления о диктатуре пролетариата, которые сформировались у большевиков. Вместо задачи стабилизировать экономику и общую ситуацию в стране, новая власть проводит радикальные преобразования, имевшие явно выраженный классовый характер и позволявшие поставить под партийный контроль «чуждые группы населения».

Мобилизационная составляющая входила во все сферы преобразовательной деятельности большевиков. К примеру, реформаторские мероприятия, проводимые в области высшего образования, оценивались с позиции «милитаризации», а по сути «мобилизации», в ходе которой необходимо было перестроить отсталые и социально чуждые российские университеты на передовой большевистский лад. В отчете Наркомпроса за период 1917–1920 гг. читаем: «В чем же состоят основные черты будущего «советского» университета, идущего на смену, в сущности, не буржуазному – буржуазная высшая школа едва успела у нас наметиться; и то, преимущественно в области техники, – а царскому, чиновничьему? В сущности, она могла бы быть исчерпана одним крылатым словом – “милитаризация”, если бы это слово не рисковало подать повод к массе недоразумений. Под милитаризацией в России разумеют нечто довольно сложное, включающее в себя такие основные признаки: во-первых, практическую целесообразность – или, как у нас говорят, “ударность” всей постановки дела. В военном деле нет беспредметной и неопределенной работы, и все бьет в определенную реальную, близкую цель. Цель эта достигается по точно выработанному, зрело обдуманному плану – уклонений в сторону не допускается. Работа ведется в условиях железной дисциплины – всякий должен быть на своем месте в определенный час, и в определенное время должен

неукоснительно выполнить поставленное перед ним задание. А это последнее – не дело его свободного выбора – на войне делают то, что *нужно*, нравится или не нравится, все равно»³. Фактически составители отчета, размышляя об идеологической подоплеке реформы, перечисляют основные признаки мобилизационной политики как режима, осуществляемого в чрезвычайных условиях при ограниченных ресурсах во имя значимой для выживания государства и общества цели, что влечет за собой предельную концентрацию этих ресурсов.

Несколькими годами позже, подводя промежуточные итоги образовательной реформы и рисуя облик идеального научного работника, М. Н. Покровский, один из идеологов научно-образовательной политики большевиков, указывал, что воспроизводство научной смены должно увязываться с общими сверхзадачами государства. В справочнике, адресованном аспирантам, он писал: «Дело подготовки кадров ученых, могущих быть активными участниками социалистического строительства, вполне современных и по своему мировоззрению и по своим настроениям, и по методам своей научной работы является одним из серьезнейших вопросов в общей системе индустриализации нашей страны»⁴. Молодой советский ученый, по мнению Покровского, должен разительно отличаться от дореволюционного типажа труженика науки. «Количество ученых старого типа, выросших, сложившихся и воспитавшихся в дореволюционных условиях у нас не меньше, а, вероятно, несколько больше того, что было до войны: сломав формальные перегородки, отделявшие занимавшегося научной работой дореволюционного российского гражданина от кафедры и исследовательского института (две диссертации, иерархия академических степеней и т. п.), советская власть в максимальной мере использовала все, что в нашей стране было пригодно для данной цели. Но, как в промышленности, так и здесь, довольствоваться поддержанием и ремонтом старого совершенно недостаточно. От использования старых “средств производства” мы должны перейти к производству новых»⁵. «Максимальная производительность» и коллективизм рассматривались как важные составляющие научной работы: «Науке аристократов и индивидуалистов идет на смену наука пролетарского общества – а пролетариат привык работать в строю. Иначе он рабо-

тать не может и не станет – и этой работой он побеждает весь мир»⁶.

Как видим, в данном обращении к молодым ученым все пронизано идеологической подоплекой, основанной на риторике борьбы, присущей большевистскому режиму. Подобные идеи пронизывали все уровни образования населения. Сформулированные в эпоху «большого эксперимента», как часто называют 1920-е гг., они укоренились в образовательной нише и в последующие годы. В частности, один из первых учебников по истории, появившийся после возобновления ее преподавания в школе в 1930-е гг., призывал воспитывать у школьников патриотизм, основанный в целом на милитаристской идее. Во введении этого учебника для 4-го класса значатся следующие слова: «Чему научит эта книжка? Она расскажет вам, как жили люди в старину, как боролись народы СССР со своими угнетателями и врагами, как они добились, что наша родина стала страной социализма. Из этой книжки вы узнаете также о жизни и борьбе народов и в других странах. Это все и называется историей»⁷.

Высокая роль идеологии в советском государстве порождала необходимость создания специальных институтов, основная цель которых заключалась в распространении определенных идей среди граждан. Примером этого может служить наличие в советской армии института комиссара/политрука, которые должны были следить как за командным составом, так и идеологическим состоянием военнослужащих. По сути, политическое управление РВС являлось механизмом мобилизационного контроля за вооруженными силами. Поскольку основной функцией комиссаров была реализация идеологических установок и распоряжений руководства, которые могли идти в разрез с представлениями солдат и офицеров. Как отмечал Л. Д. Троцкий: «Я должен сказать, что в лице наших комиссаров, передовых бойцов-коммунистов мы получили новый коммунистический орден самураев, который – без кастовых привилегий – умеет умирать и учит других умирать за дело рабочего класса»⁸.

В целом же партия и ее члены воспринимались как своеобразный авангард, который должен был прокладывать дорогу к «светлому будущему». В первые десятилетия советской вла-

сти помимо коммунистов идеологическими функциями могли наделяться и представители определенных социальных групп, прежде всего рабочие, которые воспринимались как носители пролетарского сознания. Так, когда перед государством встала задача создания коллективных хозяйств, то в деревню была направлена группа рабочих, которые должны были руководить этим процессом. Большинство из них были коммунисты и комсомольцы, которые соединяли в себе партийную и классовую сущность, но каждый пятый был беспартийным. Тем не менее, партия воспринимала их как проводников мобилизации сельского хозяйства.

В рамках всего государства функции поддержания идеологии и мобилизации с ее помощью возлагались на партийные органы. Формирование партийно-государственной структуры приводит к ситуации, когда вопросы идеологии играли важную роль не только в публичном дискурсе, но и в структуре власти. Так на всех уровнях партийных организаций от центральных до местных существовали неформальные должности секретарей, отвечавших за идеологию, которых часто называли 2-й или 3-й секретарь. Они находились на одном уровне с секретарями, которые отвечали за промышленность, поэтому можно сделать вывод, что вопросы идеологии в СССР по значению приравнивались к контролю за промышленностью.

Развитая система идеологической работы возникла не сразу. В первые месяцы после Октябрьской революции большевики не имели возможности заняться планомерной деятельностью в этой области. Но уже в Программе РКП(б), принятой на VIII Съезде РКП(б) в 1919 г., одной из задач в области народного просвещения ставилась: «Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти»⁹. На этом же съезде принимается резолюция «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», которая развивала положения, заложенные в программе. Важно отметить, что, ставя задачу создания системы политической пропаганды, большевики первой целью делали крестьянство. Рабочие, которым изначально присуще верное классовое сознание, не нуждались в идеологической подпитке, в то время как крестьянство, классово близкая группа, во многом сохра-

няла элементы сознания традиционного общества, и необходимо было внедрить в него новые элементы. Можно провести параллели с распространением христианства, когда возникает феномен двоеверия, при формальном соблюдении обрядов, сохраняются языческие пережитки, в свою очередь РПЦ отождествляла языческих богов с христианскими святыми, что облегчало принятие новой религии. Схожие явления характерны и для распространения советской идеологии. Процесс мифологизации начался еще в первые годы советской власти и заложил основы для дальнейшего восприятия официальных постулатов. В результате преобразования идеологием ленинизма в крестьянском сознании складывался псевдорелигиозный тип миропонимания, в котором образы будущего выступали в языковых значениях традиционно христианской и марксистской терминологии. Марксистская терминология осваивалась в традиционно христианских смыслах. Образовывался ряд, в котором «социализм», «коммунизм» и «рай» оказывались тождествами. Тема «Коммунизм – рай земной», «Царство Божие на земле» была одним из часто употребляемых в прямом, а также метафорическом и неявном виде комплексов-индикаторов, зафиксированных в письмах крестьян¹⁰.

Для понимания процесса распространения идей можно использовать подход меметики. В 1976 г. британский биолог Ричард Докинз, который публике известен как борец с религией и креационизмом, выпустил книгу «Эгоистичный ген», где отстаивал идею, что живые организмы следует рассматривать как приспособления для копирования и распространения генов. В этой работе он высказал мысль, что если гены являются базовой единицей природы, то у культуры тоже есть что-то подобное, и по аналогии с понятием «ген» предложил термин «мем» (в некоторых переводах его обозначают как «мим»). Он выделяет качества, обеспечивающие выживаемость мемов: долговечность, плодовитость и точность копирования¹¹. Мемы, или точнее комплексы мемов, ведут эволюционную борьбу за ресурсы человеческого мозга, некоторые из них исчезают, некоторые мутируют. Подчеркнем, что партийно-государственная поддержка и создание комплекса мер по распространению идеологии давали советскому мемокомплексу огромные конкурентные преимущества.

Стремясь оказать воздействие на население, большевики делали ставку на самую современную технику. Быстро и четко осознав возможности средств массовой информации, большевики превратили то, что сегодня мы бы назвали политикой в области средств массовой информации, в чистого рода технизм. К примеру, сам факт применения радио был для них важнее, чем содержание его программы. Масса публикаций значила больше, чем ориентация на читателя. В деревню везли кино, что оправдывало себя в самых редких случаях. Однако для представителей власти большую важность представляло само наличие средств массовой информации, таким образом, довольно рано начало развиваться явление, названное впоследствии «тоннажной идеологией»: большое количество при невысоком качестве¹².

В целом можно говорить о том, что в период с 1917 по 1920 гг. сложилась следующая система органов и учреждений, выполнявших агитационно-пропагандистские функции:

1. Общественные органы (культурно-просветительные общества, профсоюзы, РКСМ).

2. Государственные органы – ВЦИК (агитационный отдел, организационно-пропагандистский отдел крестьянской секции, отдел агитпоездов и агитпароходов), на местах – агитационно-пропагандистские отделы; РОСТА с местными отделениями; Агитационно-просветительный отдел (позже – политико-просветительный); отдел Всебюровоенкома (позже – ПУР), аналогичные отделы при местных военных комиссариатах; Наркомпрос в лице внешкольного отдела; Главполитпросвет.

3. Большевистские партийные организации – от Агитпропотдела ЦК РКП(б) до низовых ячеек¹³.

Развитие органов агитации и пропаганды в 1920-е гг. можно представить в следующей схеме¹⁴: Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) (июнь 1920 г.) – Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) (дек. 1925 г.) – Отдел агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) (май 1928 г.): Отдел агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) (1929); Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) (1929). Отдел агитации и массовых кампаний, как и Отдел культуры и пропаганды, прекратил свое существование в 1934 г. в связи с дальнейшими преобразованиями в Коммунистической партии.

При этом важно отметить, что начальный импульс формированию на протяжении 1920-х гг. развитой системы мобилизационной работы был дан еще в годы Первой мировой войны. Именно тогда, по мнению Майкла Гейера и Питера Холквиста, во всех европейских странах осуществлялась всеохватывающая и всесторонняя мобилизация нации, в том числе и идеологическая. В этот период «все нации использовали сложную сеть принуждения и уговоров и разрабатывали собственные, национальные формы управления». В политической риторике явно прослеживается восприятие и использование самого населения в качестве «ресурса». Данная тенденция нашла свое отражение в следующих терминах: «Menschenmaterial» – «человеческий материал», «людская сила», «economy of manpower» – «экономии живой силы»¹⁵.

В это время многие страны, среди которых переживавшие кризис континентальные империи, терявшие свой международный статус и приобретающие черты полупериферии, в том числе и Россия, ощущали «дефицит самодостаточности»¹⁶. Он проявлялся в неспособности отечественной промышленности, до этого ориентированной на импорт, обеспечивать военные нужды. В этой ситуации максимальная мобилизация всех ресурсов являлась вполне закономерной, государства в основном руководствовались утилитарными соображениями, подогреваемыми общей ситуацией в Европе.

Важно подчеркнуть, что интеллектуалы большинства стран ощущали этот кризис и сами искали возможности для сотрудничества с государством. В частности, российскими учеными была предложена целая серия коллективных проектов, вполне вписывавшихся в контекст новых политических задач. Их реализация предполагалась, в основном, на государственные средства. Лоббирование исследовательских проектов во властных структурах и поиск путей достижения собственных целей становится типичной практикой взаимодействия науки и власти в начале XX столетия. Данная ситуация интерпретируется в современной науке в рамках разработанной А. Дмитриевым концепции «мобилизации интеллекта».

Можно также говорить, о том, что советская власть активно задействовала ученых, стремившихся к сохранению собственного статуса, как проводников идеологического курса. К

примеру, деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения была основана на представлении о науке как лучшем инструменте обновления государства и общества. Поставленные на службу государству знания о национальном составе населения должны были ускорить модернизацию государства, снабдив чиновников необходимыми для управления этнографическими картами и статистикой, важными на случай национальных или политических мобилизаций¹⁷.

Смена политических режимов привела к еще большему усилению мобилизационных практик, частью которых стали меры по созданию «идеологически корректной науки»¹⁸. Согласившись с исследователем научной политики советского государства Л. Г. Берлявским, можно сделать вывод о формировании на рубеже 1910–1920-х гг. государственной концепции мобилизации науки. Советское правительство, позиционировавшее себя как правительство экспертов, уделяло немаловажное внимание поддержке науки. Подчеркнем, что зачастую эта поддержка была вынужденной, учитывая потребность государства в научных достижениях и отсутствие достаточного количества марксистски ориентированных и лояльных режиму кадров. По мнению Л. Г. Берлявского, «стержнем государственной научной политики стала мобилизация науки как составная часть политики “военного коммунизма”». Это предполагало использование в доктринально определенных целях строительства социализма старых и создание сети новых научных учреждений, выработку государственной научной политики представителями высшего партийно-государственного руководства в процессе дискуссий со сторонниками оппозиционных общественно-политических взглядов. В дискуссии вовлекались приверженцы радикально-антисциентистских (Я. В. Махайский, Э. С. Енчмен, В. и А. Гордины, А. А. Богданов и др.) и традиционалистских, дореволюционных (В. И. Вернадский, И. П. Павлов и др.) воззрений¹⁹.

Действительно, при формировании системы управления наукой лидерами большевистской партии, наряду с новыми принципиальными установками, методами и формами, был частично использован дореволюционный опыт. Сутью развития науки в 1917–1920 г. стала «модель ограниченной автономии» – постепенная советизация научных и образовательных

учреждений и компромисс между властью и научно-технической интеллигенцией. Кроме того, «в первые годы советской власти в стране наблюдался настоящий бум учредительства новых исследовательских и учебных институтов, создание которых инициировали сами ученые, поэтому правомерно этот этап определить как период самосохранения науки...»²⁰.

В целом, период 1920-х гг., можно обозначить как время исканий и выбора пути развития. Ш. Плагенборг применительно к десятилетию 1920-х гг. выделяет несколько группировок в советском дискурсе: 1) радикальные перестройщики, которые стремились в одночасье создать новый мир с новой культурой, населенный новыми людьми, отрицавшими прошлое в пользу запрограммированного будущего; 2) просветители, старавшиеся подходить к созданию новой культуры с позиции трезвости и практичности и верившие в изменимость человека; 3) группа теоретиков, которые стремились преодолеть разорванность человека через возвращение человека к природе и технизацию жизни; 4) мифотворцы, которые планомерно и в педагогических целях создавали мифы для легитимации проекта будущего. Эти четыре круга дискурса свидетельствуют о том, что в создании послереволюционной культуры участвовали не только большевики, Кроме того, по всей видимости, нельзя говорить о существовании единого большевистского проекта культуры по причине большого количества вариантов²¹.

С 1929 г. начинает формироваться новый тип советского общества, который принято обозначать как «сталинизм». В области культуры этот переход В. Паперный обозначает как смену «Культуры Один» «Культурой Два»²². Сворачивание НЭПа и создание командно-административной системы оказывается связанным с формированием «культы личности». Реализация масштабных проектов коллективизации и индустриализации была осуществлена в рамках мобилизационной модели развития. Идея постепенного развития страны проиграла концепции сверхиндустриализации, которую следовало осуществить в короткие сроки. Достичь поставленных целей можно было, только убедив значительное количество людей в правильности проводимой политики. Методы принуждения и устрашения имели значение, но были не определяющими, необходим был некий компромисс между партийно-государ-

ственным аппаратом и обществом. В силу этого потребность в мощном пропагандистском механизме становится критичной. Это вызывает необходимость не только в структурах, которые бы вели идеологическую работу, но и в расширении коммуникационных каналов. Была создана уникальная, не имевшая аналогов в мире, общегосударственная система проводного радиовещания (к 1940 г. в стране действовало 77 радиовещательных станций, охватывающих, практически, всю территорию СССР); формировалась широкая система культурно-массовых учреждений: библиотек (более 86 тыс.); клубов, Домов культуры, изб-читален (более 111 тыс.); 382 парка культуры и отдыха; в 1939 г. выходило 8 780 газет, 1 592 журнала общим тиражом более 7,5 млн. экземпляров, только в этом году было издано 43 758 названий книг, тираж которых составил 781 тыс. экземпляров; действовало 787 театров и 90 цирков; около 31 тыс. киноустановок (с 1933 г. получает распространение звуковой кинематограф), более половины из них находилось в сельской местности, около 76 % районных центров имели стационарные кинотеатры²³.

Таким образом, в 1920–40-е гг. Советским Союзом преодолевается культурное отставание от развитых стран мира по основным количественным параметрам коммуникационных средств, что позволило создать модель информационно-коммуникационного пространства и управления общественными отношениями, сопоставимыми с развитыми государствами мира. Отличительными особенностями советской модели являлись: массовость, общедоступность и разнообразие всех источников информационного влияния; социальная направленность; централизация системы управления; идеологизация содержания информации; преимущественное использование приемов прямой пропаганды и агитации; установление контроля (цензуры) над содержанием и направлением развития информационно-коммуникационного пространства; недопущение обнародования альтернативных точек зрения на пути и средства, идеологию дальнейшего развития страны²⁴. С одной стороны, советский человек оказывается в поле действия множества коммуникационных каналов, у него появляется возможность выбора, но с другой стороны, несмотря на различие в способах трансляции информации, в своей основе она имела

общий идеологический базис. Средства массовой коммуникации формировали особое видение мира, которое зачастую не совпадало с той реальностью, которая окружала советского человека. Формируется социалистический канон, когда большинство произведений культуры создавались по уже готовым образцам и старались воспроизвести нормативные модели. Поэтому советский человек, который читал новый роман, любовался новой картиной или шел на новый кинофильм погружался в те же проблемы, с которыми уже не раз сталкивался. Происходит воспроизводство ограниченного набора мемов, а наличие института цензуры, давало еще и дополнительные конкурентные преимущества в плане воспроизводства. Неслучайно в 1932 г. принимается постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» в котором отмечалось: «Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации [действительно] советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости»²⁵. Данный документ ликвидировал все существовавшие организации и создавал на их месте единые союзы писателей, композиторов, художников и т. д. Помимо задачи усилить контроль в области культуры, эта реорганизация имела и идеологический контекст, так стремясь к пролетарскому искусству, многие авторы шли в народ, чтобы отразить повседневную жизнь крестьян, рабочих и солдат. Часто, образы, которые получались, не совпадали с мобилизующими потребностями властей, которые стремились направить творческий процесс в нужное русло, так РАППовцев фактически обязывали писать о героях первой пятилетки, создавая тем самым образцы для подражания для остальных участников индустриализации. Вместо пролетарского реализма, который отражал и негативные стороны советской действительности утверждается концепция социалистического реализма (соцреализма).

Соцреализм подразумевал исторический оптимизм, ибо он был призван не только отражать непосредственное положение дел, но и одновременно показывать радужные перспективы. Если автор приезжает на стройку, он должен видеть не только серые будни рабочих, котлованы и грязь, но и будущее зда-

ние, которое возводится на этом месте. Каноническим примером соцреалистического мышления является Дворец Советов, который в реальности не вышел за пределы архитектурного проекта, но в советских кинофильмах выступал как вполне реальный объект московского ландшафта. Получается, что требовалось иметь способность видеть не только настоящее, но и будущее, которое исходя из идеологических установок, будет обязательно светлым.

Будущее конструируется из элементов личного или социально усвоенного опыта. Человек как элемент социума – это одновременно субъект и объект формирования социальной памяти, которая является хранителем социального прошлого. Сконструированное на основании прошлого представление о будущем определяет модусы поведения человека. Социальная память, как и природная, обладает способностью избирательно забывать некоторые факты прошлого. Потребности настоящего влияют на выбор элементов пережитого опыта, определяя образ социального прошлого. Прошлое, настоящее и будущее оказываются взаимосвязаны. В СССР роль «темпоральной идеологии» была чрезвычайно высокой, поскольку образы будущего, часто перевешивали опыт прошлого и целесообразность настоящего.

Как отмечает Ш. Фицпатрик: «То была эпоха утопий. Политические лидеры предавались утопическим иллюзиям, так же как многие рядовые граждане, особенно среди молодого поколения. В век скептицизма трудно постичь дух того времени, ибо утопизм, как и революция, не поддается доводам рассудка. Как мог кто-то серьезно верить в светлое будущее, совершенно отличное от печального прошлого и сумбурного настоящего? Трудность понимания еще увеличивается из-за огромной дистанции между утопической мечтой и советской реальностью. Появляется соблазн отмахнуться от этой мечты как от обычного обмана и камуфляжа неприглядной действительности, тем более что утопическая риторика, среди всего прочего, в самом деле служила советской власти для этих целей. Но, изучая повседневный сталинизм, отмахиваться от нее никак нельзя. Она не только была составляющей сталинизма, причем очень важной составляющей, но и частью повседневного опыта каждого человека в 1930-е гг. Советский гражда-

нин мог верить или не верить в светлое будущее, но не мог не знать, что таковое ему обещано»²⁶. В своей работе К. Мангейм, анализируя идеологию и утопию, приходит к выводу, что и то и другое связано с представлениями, осуществление которых, с точки зрения их носителей, принципиально невозможно. Но идеология стремится к сохранению существующего порядка, а утопия направлена на его преобразование²⁷. При таком понимании сталинский проект мобилизации соединял в себе и идеологию и утопию, поскольку, несмотря на стремление к преобразованию как физической, так и социально-политической действительности, происходила реставрация и консервация существовавших ранее порядков и вкусов в быту, литературе, архитектуре и т.д.

1930-е гг. в СССР характеризуются дуалистическим сознанием в духе манихейской борьбы добра со злом. С одной стороны, предполагалось, что весь ход исторического прогресса обеспечивает победу СССР и торжество коммунизма не всей планете, и этот итог неизбежен. С другой стороны, заявлялось, что первое государство рабочих и крестьян находится в окружении врагов и подобно осажденной крепости. Таким образом, одновременно советский дискурс соединял и уверенность в победе и страх перед внешней угрозой. Эта двойственность была еще одним фактором мобилизации, поскольку необходимо было сплотить силы на защиту социалистического отечества и приблизить победу социализма.

В рамках данной парадигмы в СССР реализуются различные практики, как формального характера в виде создания военно-спортивных обществ с патриотическим уклоном, и формирования особого мировоззрения посредством произведений культуры, так и неформальные через мобилизацию массового сознания, которое могло самостоятельно вырабатывать выгодные для власти идеи. Власть устанавливала определенные правила в рамках, которых население могло действовать, в том числе и в свою пользу. Так участие граждан было важным элементом советских репрессий, часто даже начало процесса формально инициировала не власть, а письмо обычного советского человека. Важным элементом идеологической работы было наличие «медиаторов», механизмов, которые переводили идеи официального дискурса на понятный населению язык. Пред-

ставляется, что некорректно воспринимать функции медиатора исключительно как направленные в одну сторону – сверху вниз, в виде механизмов донесения и разъяснения неких теоретических построений для основной массы граждан. Известно, например, что в ранней Советской России мифологизация была децентрализованным процессом, в значительной степени исходившим «снизу»²⁸. Можно говорить не о монологе, а о диалоге власти с обществом, однако с перевесом в сторону властных структур. Медиаторы, таким образом, работают в обе стороны, но в данном разделе будет рассматриваться трансляция «сверху вниз».

Целенаправленная идеологическая работа приводит к созданию отработанных механизмов по контролю и формированию представлений советских граждан. Эффективность этой системы доказала Великая Отечественная война, когда борьба шла не только между армиями и экономиками СССР и Германии, но и по линии идеологического противостояния. Созданная Й. Геббельсом структура агитации и пропаганды оказалась не способной победить советскую идеологическую машину.

При этом необходимо понимать, что система идеологического контроля в СССР не была безупречна и совершенна. Недостаточно высокой была подготовка кадров, особенно на местах, зачастую формальное отношение к своим обязанностям, неспособность эффективно выполнять функцию медиаторов и т. п. Не имея возможность ликвидировать различия и свести все к единому идеологическому знаменателю, власти приходилось идти на взаимовыгодное сотрудничество, как с населением, так и с корпусом экспертов. Не случайно помимо преследования неугодных деятелей науки и искусства, партийно-государственный аппарат одновременно заботится о лояльных интеллектуалах.

Убедительным примером наличия такой примиренческой линии в СССР является создание после войны Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. С одной стороны, в организации этого общества проявилось обращение власти к ранее уже апробированной форме работы – созданию «разветвленной пропагандистской сети внутри страны для распространения жестко заданного курса», в котором Общество «Знание» являлось лишь мощным «иде-

ологическим инструментом»²⁹. С другой, создание Общества отражало наметившуюся еще в годы Второй мировой войны тенденцию среди научных кругов к сближению с западными коллегами. Действительно, организаторы Общества пользовались особыми условиями, в том числе, возможностью научных командировок за границу и свободного общения с западными коллегами. Подчеркнем, что эта возможность сохранялась за ними и в период масштабной кампании по борьбе с космополитизмом. В этом как нельзя лучше просматривается механизм формирования неофициального института «советских мандаринов», которые будучи идеологическими медиаторами, сохраняли за собой эксклюзивное право на научную автономию в обмен на лояльность и поддержку государственных инициатив. Особенно плодотворно ученые использовались для обоснования специфики «нового» советского патриотизма. Данный процесс можно рассматривать и как заключение «big deal» – «большой сделки» между научной элитой и советским государством³⁰.

Несмотря на успехи в сфере агитации и пропаганды, нельзя говорить о тотальном принятии населением большевистских установок. Можно говорить о двух вариантах отличных от официальных идеологических точек зрения: 1) инакомыслие (антисоветские взгляды), хотя конечно в строгом смысле эти понятия не тождественны и их следует разводить, в данном контексте мы будем исходить из позиции властей, для которых любая точка зрения, которая была альтернативой официальной, воспринималась как угроза. Такой подход согласуется с идеей конкурентной борьбы между мемокомплексами, естественно, что советские мемы воспринимали другие идеи как конкурентов и претендентов и вели с ними борьбу. 2) разномыслие, который использовал в своей работе Б. М. Фирсов³¹, в отличие от первого варианта, в данном случае расхождение с официальной идеологией было не критичным, чтобы воспринимать как опасность. В большинстве своем это была народная интерпретация официальных постулатов, которая не совпадала, но и не вступала в конфликт с дискурсом власти. Оба варианта были определенными помехами в задачах мобилизационного развития, поскольку не позволяли создать единого идеологического поля.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 446.
- ² Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. ПСС. – 5-е изд. – М., 1967. – Т. 36. – С. 177.
- ³ Народный комиссариат по Просвещению. 1917 – октябрь – 1920. Краткий отчет. – М. : Гос. изд-во, 1920. – С. 63.
- ⁴ РАНИОН. Справочник аспиранта на 1928/29 год. – М., 1928. – С. 3.
- ⁵ Там же. – С. 3.
- ⁶ Там же. – С. 4.
- ⁷ История СССР. Краткий курс. Учебник для 4-го класса / под ред. А. В. Шестакова. – М., 1955. – С. 4.
- ⁸ Троцкий Л. Наше военное строительство и наши фронты // Сочинения. – Т. 17, Ч. 2. М. ; Л., 1926. – С. 120.
- ⁹ Программа РКП(б) // 8-й съезд РКП(б) (март 1919 года): Протоколы. – М., 1959.
- ¹⁰ Шаповалова Н. Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2001. – С. 62, 65.
- ¹¹ Докинз Р. Эгоистичный ген. – М., 2013.
- ¹² Плаггенброг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. – СПб., 2000. – С. 328.
- ¹³ Шульман М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет советской власти: октябрь 1917–1920 гг.: по материалам Калужской и Тульской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Калуга, 2004. – С. 29.
- ¹⁴ Бочкарева А. С. Формирование агитационно-пропагандистских органов и учреждений в советской России (1920-е годы) // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 4 (38). – С. 46.
- ¹⁵ Geyer M. The Militarization of Europe, 1914–1945 // The Militarization of the Western World / Gillis J. – ed. New Brunswick. – N. J., 1989. – P. 81; Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара, 2001. – С. 45–93, особенно С. 69–72.

- ¹⁶ Кожевников А. Первая мировая война, гражданская война и избрание «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880–1920-х годов. – СПб., 2003. – С. 87.
- ¹⁷ См. подробнее об этом: Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890–1940. – М. : НЛЮ, 2010.
- ¹⁸ Колчинский Э. И. Предисловие редактора... – С. 7.
- ¹⁹ Берлявский Л. Г. Власть и отечественная наука: формирование государственной политики: 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новочеркасск, 2004. – 46 с.
- ²⁰ Сергеев С. В. Становление системы партийно-государственного управления научным и кадровым потенциалом промышленности (1917–1941-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – С. 13.
- ²¹ Плаггенборг Ш. Указ соч. – С. 323–327.
- ²² Паперный В. Культура Два. – М., 2006.
- ²³ Культурное строительство СССР. Статистический сборник. – М. ; Л., 1940. – С. 184–205; 258–261.
- ²⁴ Невоструева А. Ф. Становление советской модели информационно-коммуникационного пространства // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 104.
- ²⁵ О перестройке литературно-художественных организаций // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. – М., 1999. – С. 173.
- ²⁶ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2008. – С. 84.
- ²⁷ Мангейм К. Идеология и утопия. – М., 2004.
- ²⁸ Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск, 2004. – С. 395.
- ²⁹ См., например: Андреев А. В. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция. – М., 2003. – С. 294; Мамонтова М. А. Добровольная организация советской интеллигенции: политический заказ или инициатива ученых? (К вопросу об истоках возникновения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний) // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М. : ИВИ РАН, 2009. – С. 45–46.

³⁰ Александров Д. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. – М., 2008. – С. 628; Dunham Vera. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. – Durham: Duke University Press, 1990.

³¹ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е: История, теория и практика. – СПб., 2008.

Глава 5.

Рецепция мобилизационного опыта в советском обществе

Активное применение мобилизационных практик, охвативших все области общественной жизни – от экономического уклада до культурно-идеологической сферы, не могло не отразиться на жизни основных групп российского/советского общества. Государство с его этатистскими устремлениями проводило преобразования и использовало новые инструменты мобилизации, исходя из макро-контекста и не ориентируясь на потребности и возможности общества, которое зачастую оказывалось не готово к задаваемым темпам модернизации. Тем не менее, общество за счет выработки различных стратегий реагирования и поведения на «вызовы» государства становилось активным участником мобилизационного развития. Общественное участие варьировалось от сознательно осуществляемой поддержки тех или иных механизмов мобилизации до их игнорирования или открытого неприятия, что вносило определенные коррективы в суть проводимой политики.

В историографии в рамках культурно-антропологического поворота, когда акценты в изучении прошлого смещаются с самого хода событий на их восприятие различными социальными группами или отдельными индивидами, сформировалось представление о стратегиях выживания в кризисных, «катастрофичных» условиях, к коим можно причислить и отечественную версию мобилизационного развития в советскую эпоху.

Одним из первых классификацию стратегий выживания в эпоху «военного коммунизма» предложил в 1990-е гг. В. В. Канищев¹. В качестве критерия им была выбрана степень законности добывания средств существования. К легальным способам приспособления к чрезвычайным условиям революции и Гражданской войны им были причислены советская служба для получения «классового пайка», переселение в «сытые» края, приобретение удостоверения, освобождающего от реквизиций и призыва в армию, приработок с помощью занятия дополни-

тельным ремеслом или (для горожан) сельским хозяйством и огородничеством. Среди полулегальных методов выживания фигурировали спекуляция, в том числе наиболее известная ее форма – мешочничество, на которую власти, неспособные решить продовольственную проблему, вынуждены были закрывать глаза. Нелегальные способы приспособления, по классификации В. В. Канищева, включали в себя манипуляции с продовольственными карточками, уклонение от многочисленных повинностей, массовые хищения бесхозного имущества, кражи на железных дорогах самими работниками транспорта, опустошение частных огородов, злоупотребление служебным положением. Данная классификация весьма убедительно подтверждается многочисленными свидетельствами современников. Перед основными классами российского общества в этот период остро стояла проблема выживаемости в сложившихся обстоятельствах системного кризиса. Проблема, безусловно, носила комплексный характер: наряду с нехваткой продовольствия и сбоями товарных поставок существование отягощали эпидемии и последствия военных действий, остро стояли проблемы уплотнения жилья, углубляющейся архаизации жизни, потери довоенного комфорта и устойчивости. В совокупности они являлись основными причинами высокой смертности населения. Каждый из основных общественных слоев по-своему выходил из кризисной ситуации. В частности, при решении продовольственного вопроса в лучшем положении находилось крестьянство, в худшем интеллигенция и городские рабочие. В известном смысле этот вопрос был не о хлебе, а о жизни и смерти.

Приведем лишь несколько примеров использования различных стратегий выживания, в том числе представителями в некотором смысле элитарных групп населения. Известный историк античности Д. П. Кончаловский в письме сестре в 1919 г. писал: «Ты спросишь, как же мы живем, на какие средства, при этой дороговизне? Мы, в частности, продаем старую одежду и драгоценности, которые, к счастью, взяли из банка накануне Октябрьской революции <...> Каждую неделю я езжу в Москву на два-три дня, читать лекции, и всякий раз вожу с собою или вернее ношу на плечах вещи, всякий раз от пуда до двух»². Вот еще один пример приспособления к сложившимся условиям, нашедший отражение в дневниковых записях юриста-исто-

рика С. Б. Веселовского. Образованный в Подмоскowie приют для крестьянских детей пережил внезапный пожар, в котором никто не пострадал, но сгорело почти все имущество. Оказалось, что это был поджог с целью скрыть следы масштабного воровства директором приюта провизии, предназначенной для детей. Веселовский писал: «В разное время она (директор – *примечание автора*) получила очень большое количество провизии, между прочим, такие дорогие вещи как манные крупы, белая мука, сахара и т. п. Из него многое было разворовано ею и ее приятелями, в том числе и кое-кем из членов Волсовета. Между тем из Серпухова была назначена “внезапная” ревизия, о которой она была предупреждена. За несколько дней перед пожаром, как нарочно, вся провизия, неизвестно в каком количестве, была перенесена при помощи нескольких крестьян, т. е. при благородных свидетелях, в дом и ... там вся сгорела»³. Подобные примеры можно множить.

Вместе с тем классификация, ориентированная лишь на выявление и характеристику стратегий физического выживания оказалась недостаточной. И. В. Нарский в известной работе «Жизнь в катастрофе...» пишет, что при классификации методов выживания сложно обойтись одним критерием. Помимо их деления по сферам борьбы за существование целесообразно вычленить способы приспособления, лояльные и нелояльные по отношению к режиму, активные и пассивные. Эти параметры классификации могут быть дополнены делением методов борьбы за выживание по видам угроз: психологической (интерпретации происходящего и поведенческие техники снятия стрессов), материальной (техники получения и сбережения ресурсов), физической (политическая мимикрия или активная оборона)⁴. Психологическая адаптация к чрезвычайным условиям оказывается не менее важным классификационным критерием. Ее значение подмечалось и современниками событий. Так, уже упоминаемый С. Б. Веселовский в 1919 г. писал: «Странная, но понятная, в сущности, черта человеческой психологии. Первые удары действуют на психику сильно и вызывают сильное возбуждение; последующие, более сильные удары оказывают гораздо более слабое действие, и наконец за известным пределом даже самые сильные удары не вызывают почти никакой реакции»⁵. И далее он конкретизировал: «Два

года тому назад небольшое сравнительно уменьшение хлебного пайка и увеличение на несколько десятков процентов цен на предметы широкого потребления послужили ближайшим поводом к перевороту, а теперь отчаянное положение продовольственного дела, настоящий голод для значительной части городского населения вызывает только стоны и слезы на фоне общей протрации и безнадежности»⁶.

О своем психологическом состоянии немало писал и Д. П. Кончаловский: «Раньше казалось, что в пучине, куда мы брошены, под ногами нащупалось какое-то дно и, ударившись об него, мы, хотя и медленно стали подниматься вверх... Но снова потеряно дно, снова не знаешь сегодня, как и чем будешь жить завтра, найдешь ли работу и заработок, а кругом безнадежность, неизвестность и полное отсутствие каких-либо данных и зацепок для логических, хотя бы самых скромных расчетов»⁷. Для многих физическое «вживание» в советскую действительность сопровождалось внутренним протестом, несогласием или унынием. «Однообразие и бледность действительной жизни поэтому кажутся не так уж страшными, ибо ее ценность в моих глазах сравнительно с довоенным временем стала совсем ничтожной», – написал сестре в 1927 г. Д. П. Кончаловский⁸.

Подобные размышления зачастую приводили к решению эмигрировать из страны. Эмиграция рассматривалась как средство решения жизненных проблем, но при этом «добровольное изгнание» расценивалось как осуждение себя на «пожизненное одиночество»⁹. При невозможности «внешней» эмиграции часто применялась эмиграция «внутренняя», выражавшаяся в постановке своеобразного «щита от действительности». Подобная форма неприятия советской власти была самой масштабной разновидностью морального сопротивления. Его основополагающими принципами являлись стремление «жить не по лжи» и неучастие, а основой – старая (дореволюционная) культура и ценности человеческого общежития. Анализируя примеры морального сопротивления, мы сталкиваемся с проблемой сознательного противопоставления режима – стране (родине), отношения к власти как к чужой – при сохранении лояльности по отношению к стране. В СССР было немало людей, которые, сохраняя верность своей стране и принципам

ее старой культуры, изначально не приняли режима. Мотивы отторжения советского режима были различны: он воспринимался как враждебный христианским ценностям, как система, нарушающая изначально понятия о добре и зле; как власть, лишаящая человека возможности добросовестно трудиться на благо своей страны¹⁰.

Крах устоявшейся системы ценностей сопровождался формированием новой этики, морали и нравственности, отражающих реалии уже иной исторической эпохи, эпохи всеобщего противостояния и борьбы за право реализации своего видения будущего России. Эта борьба происходила не столько на фронтах Гражданской войны, сколько в умах граждан России, сознание которых было подвержено влиянию различного рода идеологием и политических доктрин, предусматривающих определенную систему ценностей, нравственных и этических норм и, наконец, особый кодекс повседневной жизни, отражающий определенные мифологические, психоментальные установки политизированного до крайней степени российского общества. В годы Гражданской войны происходит девальвация человеческой жизни, она все больше начинает восприниматься как одно из средств достижения политических и идеологических целей, как разменная монета в политическом процессе, и как поле для социальных экспериментов.

Сфера повседневного бытия человека становится сферой приложения политической пропаганды и навязывания идеологических доктрин. Ее самостоятельное значение в социальной структуре общества резко снижается, и с течением времени человеческая жизнь становится подручным материалом, инструментом политики. Соответственно в период Гражданской войны возрастает роль насилия, оно становится необходимым элементом политической и социальной жизни общества, универсальным средством разрешения всех проблем и противоречий общественного развития. Насилие абсолютизируется, вводится в культ всеми действующими в стране военно-политическими сторонами.

Анализируя рецепцию населения относительно мобилизационных усилий власти, нельзя обойти вниманием феномен, который С. Коткин в своей работе «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» обозначил как «говорить по-большевистски»¹¹.

Одной из основных проблем, с которой столкнулась советская власть, была малочисленность и слабость пролетариата в стране. Еще до революции уровень развития в России капитализма и зрелость рабочего класса были одними из главных вопросов к большевикам, которые выступали за социалистическую революцию. Индустриализация также требовала значительного увеличения промышленных рабочих, первоначально для строительства предприятий, а затем для работы на них. Высокие темпы индустриализации изначально определили необходимость быстрой мобилизации огромного количества населения. Источником рабочих рук была, в первую очередь, деревня.

С 1926 по 1939 гг. городское население выросло на 30 млн.; только за первую пятилетку прирост городского населения составил 44% – ежегодно в города устремлялись примерно 3 млн. человек, в основном бывших крестьян. Это привело к резкому ухудшению жилищных условий. Новую рабочую силу помещали в наскоро построенных бараках – форме общежития, которая не могла не повлиять на состояние общественного порядка. Как только традиционные деревенские механизмы общинного контроля перестали воздействовать на бывших крестьян, попавших в новую среду обитания, города захлестнула волна хулиганства, изнасилований, пьянства, воровства и других проявлений отклоняющегося поведения¹².

Вчерашние крестьяне, как по волшебству, ставшие рабочими нуждались в обучении. В этот процесс включали не только овладение производственными навыками, но и формирование социальной и политической идентичности, лояльности к существующей власти. По сути, создавался некий эталонный образец социалистического человека, к которому каждый должен был стремиться. Биография, участие в движении передовиков производства, стремление к самообразованию и т. д. – все это должно было характеризовать советского рабочего, а отклонение воспринималось как повод к сомнениям в благонадежности. Поэтому биографические рассказы строителей Магнитки (как и других строек индустриализации) стремятся к тому, чтобы как можно точнее воспроизводить нормативный образец. Принимая правила игры, новоиспеченные пролетарии должны были не просто следовать неким нормам, но даже освоить новый язык, чтобы «правильно» выражать свои мысли. Сам

С. Коткин предостерегает против точки зрения, популярной среди тоталитаристов, что рабочие были пассивными объектами манипуляции. С одной стороны, многие с энтузиазмом восприняли возможность стать «советскими рабочими» со всем тем, что включало в себя это определение – от демонстрации абсолютной лояльности до подвигов беспримерного самопожертвования. Приобретение новой социальной идентичности приносило свои выгоды в виде социальной помощи. Новая идентичность давала определенные права, хотя и налагала свои требования¹³.

Помимо внутренней идентичности мобилизационные стратегии советской власти стремились сформировать и внешние проявления. Ибо форма и содержание рассматривались как взаимосвязанные явления. У настоящего советского человека правильными должны были быть не только душа, но и тело. Требование чистоты тела возникало в рамках более широкой практики личной гигиены. Это требование предусматривало такие предметы обихода, как постельное белье, нижнее белье, носовой платок – одновременно инструменты гигиены и показатели индивидуальной культурности. То, что гигиеническая кампания совпала с движением за повышение эффективности производства (стахановское движение), было не случайно. Личная чистота являлась показателем самодисциплины и эффективной организации трудовой деятельности. Трудовые показатели на производстве и бытовое поведение работников связывались посредством культурности: стахановца характеризовала «строгая дисциплинированность, устранение распушенности», «подлинный стахановец должен быть образцом чистоты, опрятности, культурности и на работе и в своем личном быту». В политическом дискурсе «приобретение культурности» постепенно растворилось в более широкой концепции политического самообразования. Между ними, однако, была определенная логическая связь. Внимание к вопросам культурности стало ослабевать к концу 1937 г., и уже в 1938 г. на повестку дня был выдвинут чисто политический лозунг: «Овладеть большевизмом!». Он подразумевал знание вопросов диалектического материализма и предполагал воспитание большевистской сознательности. По мере распространения и освоения навыков культурности, ее идеологическая значимость ослабевала¹⁴.

Масштабы мобилизационного рывка в 1930-е гг. были таковы, что даже массовое привлечение крестьян не могло решить вопрос с дефицитом рабочих рук. Решая этот вопрос, государство обращает внимание на женщин, которых раньше сознательно не пускали на производство, а теперь они должны играть роль неквалифицированной и дешевой рабочей силы. Это в свою очередь приводило к пересмотру гендерных контрактов в обществе, помимо роли матери-домохозяйки женщина должна было играть еще и роль пролетариата. В годы первой пятилетки женщины играли ведущую роль в процессе роста и трансформации состава рабочего класса. Их заработки компенсировали значительное снижение доходов семьи. Труд женщины-работницы не только обеспечивал выживание рабочих семей, но так же оказался важнейшим фактором и недооцененным ресурсом накопления капитала для государства. В годы второй пятилетки государство не смогло бы осуществить жесткие реформы, целью которых был контроль над движением рабочей силы, трудовой дисциплины и текучести кадров, не привлекая на производство женщин как ключевого резерва рабочей силы¹⁵. За несколько лет индустриализации значительная часть населения почти полностью изменила свой социальный статус. В целом, 1930-е гг. можно сравнить с эпохой петровских преобразований, когда менялась не только экономика и политика, но и культурные и повседневные практики. Только если в XVIII в. вестернизация затронула верхушку общества, а основная масса продолжала жить по допетровским сценариям, то в XX в. эффекты мобилизации охватывают практически все население страны. Люди фактически заново формируют образ жизни в городах и селах.

Знаковым моментом в процессе рецепции внешних вызовов и выработки ответных поведенческих реакций, на наш взгляд, является идеологическая мобилизация. Процесс рецепции всегда связан с адаптацией внешних воздействий, которая носит двойственный характер, включая в себя «как аккомодацию (усвоение правил среды, уподобление ей), так и ассимиляцию (уподобление себе, преобразование среды)»¹⁶. В итоге «любой социальный организм воспринимает импульсы извне в соответствии со своей внутренней природой, согласует их в определенной мере с требованиями и ожиданиями его акторов»¹⁷.

В данном случае знаковое значение имеют ценностные ориентации, скрепляющие организм изнутри и способствующие сохранению его целостности даже в самые кризисные периоды. Подтвердить эту мысль можно на примере такого явления как «профессорская культура». Одной из важных ее характеристик является «вирулентность», т. е. (в данном контексте) сохранение внутренней логики научной жизни, способной «протиснуться сквозь любые идеологические фильтры»¹⁸.

К примеру, реформа науки и образования, осуществленная в 1920-е гг. и называемая ее авторами не иначе как «мобилизация»¹⁹, имела своей целью радикально изменить не только инфраструктуру науки, но и ценностно-этическое ее наполнение. Между тем в целом ряде областей научной жизни усиленно сохранялись нормы, выработанные в имперский период. Проиллюстрируем эту мысль на примере преобразований в системе воспроизводства научных кадров. Отмена ученых степеней и званий, вывод практики работы с научной молодежью из университетов в специальные исследовательские институты, попытка полного ухода от лекционной формы преподавания в пользу практических занятий, на наш взгляд, способствовали тому, что реакция научного сообщества на них стала носить характер сопротивления. Действия научного сообщества были нацелены на интеграцию прежних норм научной жизни в новую реальность. Они стали более планомерными и приобрели черты адаптивной (ассимилятивной) стратегии. Так, в 1922 г. в недавно созданном Институте истории при факультете общественных наук МГУ шло обсуждение проблемы, как осуществлять подготовку научных работников II разряда, чей статус соответствовал статусу «оставленных для подготовки к профессорскому званию», а с 1925 г. аспирантам. В ходе обсуждения выяснилось желание действительных членов и научных сотрудников I разряда сохранить общие контуры прежней системы подготовки профессоров. Кроме того, участники обсуждения предлагали использовать институциональную специфику работы с «оставленными», сложившуюся в различных университетах. Так, известный историк А. А. Кизеветтер указал на существование Московской системы подготовки преподавателей высшей школы, сутью которой являлись отказ от ранней специализации и разработка «оставленным» важней-

ших исторических тем, которые могли пригодиться в будущей преподавательской деятельности, и Петербургской системы, где «молодой ученый сразу же сосредоточивал внимание на теме для будущей специальной ученой работы, в связи с чем подбирались и другие вопросы программы»²⁰. Московская система рассматривалась как более громоздкая и сложная. Научная молодежь, выступавшая за упрощение программы, предлагала отказаться от «московского наследия». В то время как возрастная профессура, имевшая большой опыт приема магистерских экзаменов, ратовала за универсальность и общепризнанность так называемой Московской системы. Подчеркнем, что внутренний смысл подобного спора состоял во внедрении в практику подготовки первых советских ученых норм, ранее апробированных научным сообществом, и нежелании снижать сложившиеся «высокие требования» к этой подготовке.

Еще один период советской истории – вторая половина 1940–1950-е гг. – стал временем усиления властного давления на науку. Масштабные идеологические кампании, охватившие почти все сферы жизни советского общества, оказываются отличным примером тому, как оно реагировало на очередной натиск мобилизации. Рассматривая ход этих кампаний, вновь можно заметить использование различных стратегий реагирования на властные вызовы. Во-первых, развертывание такой кампании происходило по определенным правилам, известным всем участвующим сторонам, где каждый актер четко и безошибочно играл свою роль. Во-вторых, каждая кампания проходила по одним и тем же этапам. В-третьих, внутри каждой кампании решались не только «сверхзадачи», обозначенные государством, но и локальные проблемы рядовых участников. В итоге в очередной раз можно говорить не о простом следовании заданным нормам и правилам, а об их собственном прочтении, корректировке и переработке, исходя из конкретных интересов всех заинтересованных лиц.

Проиллюстрируем все вышесказанное на конкретном примере. С 1947 г. в стране начала разворачиваться кампания по борьбе с космополитизмом, включавшая в себя пропаганду национализма и антисемитских настроений. Эта кампания известна своими резонансными делами, начиная с «дела КР» (Клюевой – Роскина) и заканчивая преследованием врачей.

Но внутри кампании были и «дела» местного значения, малоизвестные, но при этом обладавшие всеми чертами крупных дел, что еще раз подчеркивает повсеместное усвоение норм и правил, по которым они проводились. Одним из таких эпизодов стало дело преподавателя Челябинского педагогического института А. И. Подклетнова, случившееся в 1949 г. Суть дела была такова: А. И. Подклетнов вызвался выступить на читательской конференции, посвященной разбору книги В. Ажаева «Далеко от Москвы» о строительстве нефтепровода на Дальнем Востоке. Во время выступления он сообщил, что во время Великой Отечественной войны находился в этих местах по долгу службы и был знаком со строителями нефтепровода, среди которых было немало заключенных. Именно упоминание о лагерях и самоотверженном труде заключенных стало поводом для разворачивания масштабного по местным меркам дела против Подклетнова. Сначала руководство вуза пыталось разрешить ситуацию внутри института, «проработав» преподавателя на заседании кафедры. Однако по ряду причин он не смог присутствовать ни на одном из двух назначенных заседаний, и ситуация вышла за пределы института. В газете «Челябинский рабочий» была опубликована заметка под названием «Об одном клеветническом выступлении»²¹, где поступок Подклетнова был оценен как «политически вредный», а сам он был назван пособником «безродных космополитов». Забегая вперед, отметим, что «дело Подклетнова» дошло до разбирательства в обкоме. В отношении него было принято решение о строгом выговоре с занесением в личное дело члена партии. Прямого исключения из партии удалось избежать, но, как показывает практика, оно вполне могло состояться в дальнейшем. В данном деле важно обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, обвинения в космополитизме становятся общим местом и входят в обиход повседневной жизни. Так, во время разбирательства Подклетнов вспоминал, как он впервые услышал, что вокруг него сгущаются тучи. К нему подошел коллега со словами: «Ты выступал где-то и наговорил что-то космополитическое»²². Во-вторых, участники дела были готовы внести коррективы в его ход при условии, что фигурант признает свою вину. Так, обвинения, прозвучавшие на уровне горкома партии, оказались более значительными, чем на уровне обко-

ма. Вот слова одного из обвинителей: «Дальше я не намерен ставить вопрос, что это сделано умышленно, но я говорил на партийном собрании, что в организации Объединенных наций обсуждался вопрос, в связи с предложением англо-американских представителей о принудительной работе в Советском Союзе, когда делегация Советского Союза предложила создать широкую профсоюзную комиссию, международную профсоюзную комиссию обследовать условия работы в Советском Союзе и других странах»²³. Таким образом, упоминание труда заключенных предлагалось рассмотреть как умышленную диверсию со стороны Подклетнова. Однако местные партийные органы были готовы смягчить обвинения, что и произошло после признания Подклетновым своей вины. Так, на заседании в обкоме партии уже не было сказано ни слова «об англо-американском империализме», слова Подклетнова оценивались как политическая ошибка, а не спланированная акция.

Данный пример, помимо иллюстрации того, что локальные дела проходили по тем же правилам, что и общесоюзные кампании, подтверждает и факт распространения идеологической травли на все слои общества, ее превращение в обыденный механизм взаимодействия власти и общества, повседневную практику общественных отношений, напоминающую, по выражению Г. В. Костырченко, «саморазоблачительную агонию»²⁴. Зачастую кампания на уровне провинции проходила гораздо более интенсивно, чем в центре, приобретая черты сплошной чистки. Партийным органам не раз приходилось сдерживать чересчур вспыльчивых ораторов на собраниях и конференциях, чтобы не допустить массовых расправ. Примером в данном случае может стать реакция Челябинского обкома КПСС на стихийное собрание парткома Челябинского Трубопрокатного завода, которое обратилось к руководству партии со следующим положением: «Произвести чистку советского аппарата и всех подозрительных, неблагонадежных из еврейской нации и заменить преданными людьми нашей Родины»²⁵. Челябинскому горкому было предложено разъяснить коллективу ремонтно-строительного цеха ошибочность подобного решения и провести беседы, лекции и доклады на тему дружбы народов²⁶.

Подтвердим этот вывод еще двумя примерами из жизни уральской провинции. В Особой папке Челябинского обкома

хранится дело о киножурнале «Пионерия». В 1949 г. культпросветработники базы № 10 (ныне город Озерск) получили для показа перед основным киносеансом журнал «Пионерия № 5», выпущенный годом ранее, в котором был сюжет о сдаче учеником экзамена по географии, где он «дает неправильную трактовку политическому и социально-экономическому положению в Югославии»²⁷. Журнал после ухудшения отношений с Югославией оказался идеологически устаревшим. Он не был вовремя снят с показа. Какой-то бдительный зритель увидел несоответствие сюжетов журнала международному положению. Вскоре началось разбирательство, в ходе которого были вынесены обвинения «в притуплении политической бдительности» и «халатности» работникам областной конторы «Главкинопроката» и культпросветработникам базы № 10, сам поступок в рамках сложившейся традиции политической риторики был назван «антипартийным»²⁸.

Еще одним фактом «саморазоблачения» можно рассматривать письмо от жителя г. Челябинска, пришедшее на имя секретаря челябинского обкома в ноябре 1949 г., где автор доносил на родственников своей жены за поддержание связей с заграницей. Сестра жены получила от родственников из США лекарства для лечения туберкулеза, а также переписывалась с родными, проживающими в Аргентине и Палестине. Автор письма сетует, что совершил «грубую ошибку», т. к. своевременно не сообщил об этом факте. «Я понимаю сейчас, что я тогда либерально отнесся к этому факту и что этим совершил недостойный поступок, не выполнив партийное обязательство»²⁹, – завершает он свое письмо.

Помимо влияния идеологической мобилизации на советских граждан, которым приходилось или трансформироваться в людей нового типа или симулировать такое перерождение, огромное значение имели социальные последствия мобилизационного развития. В годы революции и Гражданской войны происходит разрушение старой социальной структуры, советское государство пытается заменить ее новым бесклассовым обществом. Вместе с тем в течение короткого срока несколько раз меняется привычный уклад жизни. Так на смену успешному 1913 г., приходит Первая мировая война с необходимостью перевода экономики на военные рельсы, что в свою очередь

вызывает перебои с продовольствием и энергоресурсами, за этим следует политика Военного коммунизма, в рамках которой проводились радикальные социально-экономические эксперименты, а население вынуждено было выживать в катастрофических условиях. Переход к НЭП меняет правила игры и люди вынуждены играть по новым правилам, которые в очередной раз меняются с переходом к индустриализации и коллективизации. В условиях, когда государство все свои ресурсы старается подчинить достижению поставленных целей население вынужденно искать способы приспособиться к ситуации и сохранить определенный уровень жизни.

В конце 1920-х гг. население столкнулось с проблемой дефицита, продукты питания, одежда, обувь, предметы быта и жилье становятся труднодоступными. Государство даже было вынуждено ввести карточную систему, что, по сути, приравнивало ситуацию в производстве и распределении товаров массового потребления к военной. Причем центральные власти понимали все негативные реакции на введение карточной системы и не стремились к ее реализации, но ситуация в регионах не оставляла местному руководству выбора, поэтому они выступили инициаторами непопулярной меры.

В результате огромное значение приобрело неофициальное распределение – т. е. распределение в обход формальной бюрократической системы. В сталинскую эпоху в СССР буйным цветом расцвела «вторая экономика» (хотя сам этот термин – более позднего происхождения); она существовала столько же времени, сколько и «первая», и фактически может считаться преемницей частного сектора 1920-х гг., несмотря на свой переход с легального, хотя и еле терпимого государством, на нелегальное положение. Подобно частному сектору времен нэпа, вторая экономика сталинской эпохи по сути распределяла товары, произведенные государством и принадлежащие ему, а продукция, произведенная частным образом, играла в ней явно второстепенную роль. Утечка товаров происходила в любом звене системы производства и распределения, на любом этапе пути от заводского цеха до сельского кооперативного магазинчика. Любой работник системы торговли, какого угодно уровня мог быть тем или иным образом причастен к этому, потому-то данный род занятий, хотя и обеспечивал уро-

вень жизни выше среднего, считался сомнительным и не давал высокого социального статуса³⁰.

Зачастую государство создавало искусственные сложности тем самым получая дополнительные рычаги воздействия и мобилизации населения. Так продуктовый дефицит и нехватка одежды делал систему спец распределителей, через которые отоваривались приближенные и лояльные к власти группы населения, механизмом поощрения или наказания. По мнению Ш. Фицпатрик, подобная система поощряла тенденцию к словности. Это касалось не только нового высшего класса партийно-государственной и управленческой элиты, но и групп, которые располагались ниже в социальной иерархии и имели свои привилегии разного рода. В начале 1930-х гг., к примеру, система закрытого распределения и общепита на предприятиях имела дело с тремя категориями: административно-профессиональными ИТР, привилегированными работниками и обычными работниками. Позже, с развитием стахановского движения во второй половине десятилетия, стахановцы и ударники образовали особый слой рабочих, получавших особые привилегия и премии за свои достижения, он зависел от производительности труда. Однако многие рабочие, по всей видимости, воспринимали его как новый статус «почетного работника», который, если ты его однажды заработал, даруется на всю жизнь³¹.

Схожую функцию выполняло и государственное распределение жилых помещений. Жилище играло неизменную роль кнута и пряника в организационно-управленческой стратегии власти. Власть миловала и наказывала жилищем. За счет жилища направляла миграционные потоки в нужную ей сторону и, наоборот, останавливала там, где это ей было необходимо. Материальные стимулы к труду заменялись администрированием и принуждением, в числе которых жилище играло ведущую роль. В тех случаях, когда людям неинтересно было хорошо работать, поскольку жизненные неурядицы (дефицит продуктов и товаров) отвлекали силы на самообеспечение, лежащее вне места работы (стояние в очередях, личные подсобные хозяйства и прочее), — угроза увольнения и автоматического лишения места жительства (альтернативу которому было найти практически невозможно) эффективно исполняла свою принудительную функцию. Власти необходимо, чтобы каждый

человек знал, что в случае его ареста семья его (если не будет арестована) будет выселена и окажется на улице, вне зависимости от высоты его служебного положения и вне зависимости ни от чего и ни от кого (ни от усилий друзей, коллег по работе, высокопоставленных директоров, ни от заступничества руководства наркомата и т. д.). Власть предпочитает, чтобы люди опасались не только за свою собственную жизнь, но и за жизнь близких людей (так они становятся много послушнее, сговорчивее и исполнительнее)³².

Фактически у человека оставалось два выбора – это или стремиться приобрести статус, который открывал доступ к легальным источникам потребления, но государство в условиях мобилизационного развития не могло бесконтрольно расширять круг допущенных к «кормушке», на это не хватило бы ресурсов и исчез сам смысл поощрительного распределения. Или искать «серые» и неофициальные схемы получения ресурсов для поддержания определенного уровня жизни. Создание альтернативной экономики, которая корректировала и смягчала последствия мобилизации, становится закономерным следствием сформированной индустриализации и коллективизации. Так наличие личных подсобных хозяйств было важным фактором адаптации крестьян к колхозной жизни, а в дальнейшем большинство советских семей стремилось заполучить земельный участок для того чтобы не зависит от поставок продовольствия в магазинах.

Довольно условно население СССР можно разделить на три большие группы: 1) энтузиасты – люди, которые приняли советскую власть и стремились соответствовать тем требованиям и критериям, которые она выдвигала; 2) противники – часть граждан, воспринимавших большевизм как угрозу своему существованию, российской культуре, нации и т. д., но вынужденная находиться на территории СССР; 3) попугачики – те, кто выражали лояльность к режиму в целях собственной выгоды, они приспосабливались к правилам игры, стараясь получить в ней максимальную пользу для себя.

Власть даже в условиях мобилизации не могла действовать исключительно принуждением. Механизмы репрессии и террора являлись эффективными, но они требовали противоположности. Государство рабочих и крестьян формально должно

было заботиться о своих гражданах и улучшать их жизнь. Но даже если не брать в расчет идеологическую риторику, то партийно-государственный аппарат не обладал ресурсами и возможностями для тотального контроля над населением, поэтому властям приходилось постоянно заигрывать с массой «попутчиков», давая им возможность действовать в определенных границах.

Если в сталинской России режим интересовал, прежде всего, «public display of affection»³³ – организация видимой интимности, создание репрезентаций и ритуалов выражения чувств любви, уважения, счастья в отношениях государства и общества в публичных пространствах без учета индивидуальных чувств и эмоций индивида, то после войны советское общество требует от государства проявления эмпатии к эмоциям и настроениям, потребностям и планам на будущее каждого отдельного гражданина. Характеризуя сталинскую эпоху, О. Хархордин отмечает, что «система была обеспокоена не чувствами граждан, а их публичным поведением»³⁴. Главными технологиями власти являлись наказание и дисциплинирование с целью формирования советского субъекта, который не только говорит и действует, но и чувствует по-большевистски. Однако данный эмоциональный стиль сталинской эпохи исчерпал себя со смертью Сталина в 1953 г. Накануне десталинизации общество оказалось в ситуации «эмоционального выгорания»: чрезвычайная мобилизация ресурсов в сталинское время не принесла улучшения жизни, рожденные победой надежды рушились, а ясные перспективы новых реформ после смерти харизматического лидера отсутствовали. Как следствие, общество отказывает государству в эмоциональной поддержке, артикулирует физическую усталость и моральное истощение от атмосферы недоверия, требует заботы и пересмотра эмоциональных связей с государством. Новая социальная мобилизация для создания кредита доверия к власти была возможна лишь при переосмыслении прежних эмоциональных связей и придания им нового качества рационального обмена, взаимного сотрудничества и двустороннего выигрыша. Государство переходит к выстраиванию и интенсификации каналов политической коммуникации, организации пространств и ниш вовлечения индивида в поле сотрудничества и соучастия в осуществлении вла-

сти. Все это способствовало формированию режима эмпатии, который не табуировал и отвергал, а принимал и реагировал на индивидуальные чувства, потребности и надежды советского гражданина. Результатом данной политики стал рост доверия к советскому порядку и общественная стабилизация в хрущевское и брежневское время.

Несмотря на то, что мобилизационное развитие предполагает достижение цели любой ценой, население не было пассивным участником данного процесса, как это ошибочно представляется в рамках тоталитарного подхода. Власть и население должны были поддерживать определенную стабильность, которая позволяла с одной стороны проводить необходимые реформы, а с другой обеспечивало возможность существования для людей. Граждане, выбирая одну из стратегий поведения, оказывали влияние и на положение дел в стране, поскольку власти зачастую вынуждены были корректировать свои действия, исходя из реакции общества. Слабые и сильные взаимодействия пронзали всю советскую систему, от клиентских отношений, до неформальных дружеских сетей, создавая особые центры власти, которые не находились в прямом противостоянии с официальными институтами, но могли выполнять схожие функции и зачастую более эффективно. Исходя из этого вопрос об отношениях «верхов» и «низов» не может быть сведен к некой простой схеме, а является сложным уравнением, в котором необходимо учитывать множество переменных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Канищев В. В. Приспособление ради выживания (Мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997.

² Кончаловский Д. П. Воспоминания и письма. – Paris, 1971. – С. 143.

³ Из старых тетрадей. С. Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В. С. Веселовский. Встречи с И. А. Буниным в 1917 году. Итог революции и гражданской войны. – М., 2004. – С. 51.

⁴ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 г. – М., 2001. – С. 390.

⁵ Из старых тетрадей. С. Б. Веселовский. – С. 45.

⁶ Там же. – С. 45–46.

⁷ Кончаловский Д. П. Указ соч. – С. 196.

- ⁸ Там же. – С. 221.
- ⁹ Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. – 2000. – №8. – С. 92.
- ¹⁰ Филиппов Б. Сопротивление советскому режиму (1920–1941) // История. – 2000. – № 31. – С. 5.
- ¹¹ Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период. – Самара, 2001. – С. 250–328.
- ¹² Волков В. В. Концепция культурности, 1935–38 гг.: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2. – С. 204.
- ¹³ Коткин С. Указ. соч. – С. 280.
- ¹⁴ Волков В. В. Указ соч. – С. 204.
- ¹⁵ Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). – М., 2010. – С. 345.
- ¹⁶ Колеватов Д. М., Корзун В. П. Трансформация ценностных ориентаций в отечественной гуманитаристике в период борьбы с космополитизмом // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия: материалы Всерос. науч. конф. – М., 2009. – С. 112–113.
- ¹⁷ Там же. – С. 113.
- ¹⁸ Подробнее см.: Уваров П. Ю. Российская гастроль университетской идеи // Уваров П. Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе (спецкурс). – М., 2000. – С. 95; Корзун В. П., Сидорякина Т. А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. – 2009. – № 1 (27). – С. 65–76.
- ¹⁹ Подробнее об этом смотри в предыдущей главе монографии.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 82об.
- ²¹ Шаров Б. Об одном клеветническом выступлении (письмо в редакцию) // Челябинский рабочий. 05.04.1949.
- ²² ОГАЧО. Ф. 92. Оп. 6. Д. 226. Л. 29.
- ²³ Там же. Л. 40.
- ²⁴ Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. – М., 2010. – С. 240.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 14. Д. 143. 1953. Л. 40.
- ²⁶ Там же. Л. 41.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 33. Л. 154.
- ²⁸ Там же. Л. 154–156.

²⁹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 33. Л. 179.

³⁰ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. – М., 2001. – С. 73.

³¹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. – М., 2011. – С. 102.

³² Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. – М., 2008. – С. 7, 292.

³³ «Публичная демонстрация преданности». См. подробнее: Alexey Tikhomirov, Trust, Distrust or Forced Trust? Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, unpublished paper, presented at the conference «Trust and Distrust in the Soviet Union», School of Slavonic and East European Studies, University College London, 17–18 February 2012.

³⁴ Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб. ; М., 2002. – С. 361.

Заключение

Мобилизационная модель развития общества в XX столетии неоднократно использовалась различными обществами для решения своих чрезвычайных задач – от ведения военных действий до совершения модернизационных рывков. Но единственной страной, обращавшейся к данной стратегии многократно, является Россия. Поэтому изучение именно отечественного опыта оказалось наиболее полезно для выявления важнейших механизмов мобилизационной политики.

Первая волна мобилизационных усилий России была связана со становлением институтов военной экономики в годы I-ой мировой и Гражданской войн. На этом этапе мобилизационная политика, как и в других воюющих державах, использовалась для решения задач ведения войны. В годы «военного коммунизма» государством была предпринята попытка распространить подобную практику и на процессы мирного строительства. В итоге, свой совершенный вид данная система получила в 1920–21 гг., когда общество уже стало заметно уставать от жизни в чрезвычайных обстоятельствах. Такая усталость общества заставила советское государство в 1920-е гг. снизить как внеэкономическое принуждение, так и степень милитаризации социально-экономической, политической и культурной сфер. Эта первая волна мобилизации подавалась государством как вынужденная мера в условиях войн и революции, поэтому пришедшая ей на смену новая экономическая политика воспринималась и населением и большей частью партии большевиков как возврат к «нормальной» жизни общества. Однако в изменившихся институциональных условиях (отмена частной собственности) государственный сектор в экономике и общественной сфере оставался гипертрофированным, что ставило перед советским правительством задачу – взять на себя ответственность за его дальнейшее развитие. Потребность в индустриализации напрямую связывалась с проблемой сохранения завоеваний революции и национального суверенитета. Между тем, у высшего руководства страны имелся за плечами толь-

ко военный опыт достижения чрезвычайных целей, отсюда неспособность лидеров страны выработать бесконфликтную стратегию индустриализации.

Таким образом, вторая волна мобилизационного давления была связана с потребностью модернизации страны в обстоятельствах острой нехватки ресурсов при осуществлении форсированной индустриализации. Отсутствие чрезвычайных условий или очевидной внешнеполитической угрозы не смущали И. В. Сталина и его окружение при принятии решения о возвращении к мобилизационным практикам. Такая угроза была инсценирована в ходе расследования «Шахтинского» дела. Воспользовавшись этой мнимой угрозой как предлогом, Сталину удалось склонить партию к реализации радикального модернизационного рывка с помощью мобилизационной политики. Свое институциональное оформление эта вторая волна получила осенью 1929 – летом 1930 гг. Иллюзия реальной военной угрозы поддерживалась идеологически на протяжении всех 1930-х гг., а для сохранения лояльности общества по отношению к проводившейся мобилизационной политике использовались политические репрессии. Масштаб репрессий в конце 1930-х гг. свидетельствует о постепенном накоплении усталости обществом и его готовности к переходу в стадию стабильного (не чрезвычайного) развития.

Третья волна была организована государством в момент, когда действие второй волны еще не закончилось, что было вызвано чрезвычайными обстоятельствами Великой Отечественной войны. Апробированные на предшествующих этапах мобилизационные практики были распространены на все сферы экономики и общественной жизни. Была выстроена система управления хозяйством и обществом в чрезвычайных условиях, а система принудительного труда в отдельных отраслях стала доминировать над вольнонаемным трудом. В годы Великой Отечественной войны мобилизационная система проявила максимум своих возможностей, обеспечив Советскому Союзу достижение стратегического превосходства над Германией и ее союзниками. Страна работала как единый слаженный механизм ради единственной цели – победы над врагом. Достижение Великой Победы могло привести к разрушению подобного единства и подключению инерционных факторов,

которые, с учетом усталости общества, могли привести к преобладанию демобилизационных настроений. И вновь, как и в конце 1930-х гг., мобилизационная политика вынуждена была опираться на идеологический фактор и политические репрессии. Действие третьей волны продолжалось до начала 1950-х гг., пока шло восстановление страны. Затем общество стало выходить из мобилизационного режима. Катализатором этого процесса стала смерть И. В. Сталина.

Выход из состояния мобилизации был сложным и зачастую противоречивым процессом. Так, отказ от системы принудительного труда растянулся более чем на десятилетие – с конца 1940-х гг. (когда заключенные начали получать оплату за свой труд) вплоть до 1960 г., когда все лагеря и колонии были переданы из ведения МВД СССР в подчинение Минюсту. Кроме того, на фоне снижения мобилизационного давления на государственный сектор советской экономики в 1950-е гг., государство усилило подобное давление на негосударственные предприятия, что привело к огосударствлению системы кооперации в СССР. В последующие десятилетия полного возврата к механизмам мобилизации в СССР уже не было, однако отдельные элементы системы сохраняли свое действие и были закреплены институционально. В частности, государство выступало основным, а часто и единственным работодателем в стране, что позволяло ему использовать некоторые мобилизационные практики в трудовых отношениях. Сохранялся и полный контроль над системой финансов, полученный советским государством в 1930-е – 1940-е гг. Однако, не смотря на потенциально имевшуюся возможность возврата к мобилизационным практикам, они не получили распространения даже при осуществлении масштабных проектов по освоению Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Все перечисленные проекты реализовывались уже на принципах добровольного участия при материальной заинтересованности.

Мобилизационная модель развития продемонстрировала в России XX века способность добиваться намеченной ее инициаторами цели, и именно это, в логике данной модели, и служит мерилom ее эффективности. Оптимальный, ресурсосберегающий, низкозатратный путь в рамках мобилизационной модели

раз за разом оказывался невозможным по причине его не соответствия принципам «главного звена», «целевой направленности политики» и «достижения цели любой ценой». Если на пути к цели удавалось сэкономить, это воспринималось скорее как бонус, а не как должное. В силу данных обстоятельств, мобилизационная модель может работать лишь при наличии избыточных ресурсов, концентрация которых на «главном звене» модели не приведет к катастрофическим дефицитам ресурсов в других звеньях. Иными словами, мобилизационная модель – это допустимая стратегия индустриального общества, но никак не постиндустриального, так как основой последнего выступает сфера услуг и тесно с ней связанный интеллектуальный сектор общественного производства. Декларируемая стратегия инновационного развития оказывается плохо совместимой с мобилизационными механизмами.

Научное издание

**Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В.,
Пасс А. А., Фокин А. А.**

**Мобилизационная модель
развития российского общества в XX веке**

Монография

Компьютерная верстка: А. А. Селютин

Подписано в печать 14.10.13.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,2.

Тираж 500 экз. Заказ 918.

Издательство «Энциклопедия».

454084, Челябинск, Пр. Победы, 160.

e-mail: enciklo@rambler.ru

Отпечатано в типографии

«Два комсомольца» с готового макета.

Челябинск, 454084, Комсомольский пр., 2.